

Делия Росси

Седи
ВТОРОГО СОРТА

16+

Дарштейн

Делия Росси
Леди второго сорта

«Автор»

2021

Росси Д.

Леди второго сорта / Д. Росси — «Автор», 2021 — (Дарштейн)

Новый мир, новая внешность, новые родственники — не слишком ли много нового? А если прибавить сюда тайны и загадки прошлого, то жизнь попаданки легкой точно не назовешь. Но я, Дина Вольская, никогда не отступала перед трудностями. Вот и в этот раз не сдамся. Мне бы только с одним невоспитанным оборотнем разобраться. Ну и с собственными чувствами заодно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Делия Росси

Леди второго сорта

Глава 1

– Леди Изабелла!

Настойчивый голос звучал прямо рядом с моим ухом. Высокий, с неприятными дребезжащими нотками, он вызывал неосознанное желание поморщиться. Как и назойливый аромат фиалок, ощущаемый в воздухе.

– Леди Изабелла!

Интересно, кому так нужна эта самая Изабелла, и чего вокруг столько шума?

Я собралась с силами и открыла глаза. Прямо передо мной маячила встревоженная физиономия какого-то мужчины. Взгляд выхватил длинный горбатый нос, черные, похожие на крупные бусины глаза, яркие сочные губы, которые шевелились и что-то говорили, но я не понимала ни слова.

Неужели оглохла? Угораздило ж упасть так неудачно! Вот и не верь после этого приметам. Утром соль просыпала? Просыпала. Черный кот Таисии Федоровны дорогу перешел? Перешел. Соседка с первого этажа с пустым ведром встретилась? Встретилась. Ну и пожалуйста. Вот вам результат – голова раскалывается, в ушах звенит, а глаза словно песком засыпало.

– Вы кто?

Я поморщилась и попыталась подняться, но тело не слушалось. Оно казалось чужим. Как и голос.

– Миледи, вы очнулись!

Ага. Значит, я все-таки не оглохла. Тогда чего этот мужик бормотал? Молитву, что ли? И почему он называет меня миледи? И вообще, где я нахожусь? Что-то не нравится мне происходящее, не похоже, чтобы я была в офисе, у нас там таких мягких диванов отродясь не водилось. Начальник все больше стулья предпочитает. Заботится о том, чтобы подчиненные от работы не отлынивали.

Я посмотрела вокруг и едва не присвистнула. Ничего себе! Вот это хоромы! Совсем как в Зимнем дворце, куда мы с Верочкой пару недель назад ходили на экскурсию. Ну точно: лепнина, позолота, атласные шторы с диковинными цветами, пузатый расписной шкаф из какого-то дорогого дерева, мраморный камин, изящное бюро, большая кровать, на которой я лежу и почему-то не чувствую нижнюю половину тела, а за стеклами огромных окон густо метет снег. Снег! В августе! Нет, лето в Питере, конечно, так себе, но снег... Его одними плохими приметами не оправдаешь.

– Вы не ответили на вопрос.

Я посмотрела на незнакомца, пытаюсь понять, насколько сильно ударила головой. Похоже, довольно сильно, если мозг выдал такую реальную галлюцинацию. Вон, у глюка напротив даже лоб вспотел, и глазки забегали.

– Вы меня не помните?

А голос звучит неискренне. И губы кривятся неестественно, словно неизвестный пытается скрыть правду.

– Я Келд, маг вашего опекуна.

Приплыли. У меня что, есть опекун? Выходит, травма была гораздо серьезнее, чем я думала. Теперь понятно, почему я не чувствую половину тела. Наверное, частичный паралич. Вот же подстава! Ну как меня угораздило так неудачно сломать каблук? Хруст до сих пор в ушах стоит. И падение я помню, и то, как об угол стола виском ударилась. Стоп. Что там

Келд сказал? Маг? Только этого не хватало. Значит, один из шарлатанов тети Фимы снова объявился! Сколько я их при жизни тетушки гоняла, а они до сих пор все идут и идут. И каждый раз не хотят верить, что «благотельницы» больше нет.

При воспоминании о тете Фиме в глазах привычно защипало. За полгода я так и не смогла смириться с ее смертью. Мне все время казалось, что однажды откроется входная дверь и войдет тетя Фима – невысокая, худенькая, подвижная, в очередном экстравагантном наряде и с ярким палантином на узких плечах. Как же рано и внезапно она ушла...

Я стиснула руки и заставила себя отвлечься от тяжелых мыслей, и вернуться в непонятное настоящее.

– Значит, маг.

Я с сомнением посмотрела на проходимца, а тот с готовностью закивал.

– Это вы меня... лечите? Или нормальные врачи тут тоже есть?

– Леди Изабелла, ваш опекун делает все, чтобы вы поправились.

Физиономия Келда приняла обиженное выражение.

– Лорд Давенпорт не жалеет для этого никаких средств. Вас регулярно осматривает лучший доктор столицы, а на прошлой неделе собирався консилиум, в котором участвовали главные медицинские светила Дартштейна.

Келд говорил горячо и почти искренне, вот только я не верила ни единому его слову. Было что-то двуличное и лживое в выпуклых темных глазах и в кривой улыбке порочных губ.

– И сколько я тут лежу?

– Две седмицы, – ответил Келд, и я растерянно уставилась на расшитый цветами балдахин. А потом перевела взгляд на окно и нахмурилась.

Две недели... Слов нет, одни выражения! Не может такого быть. Врет этот длинноносый, вот всей душой чувствую, что врёт!

– А почему я не в больнице?

– Леди Изабелла, о чем вы? Какая больница? Лорд Давенпорт сделал все, чтобы создать вам самые лучшие условия лечения!

Келд посмотрел на меня, как на неразумного ребенка.

– Ваш опекун ничего для вас не жалеет! Первые несколько дней милорд вообще от вас не отходил, так переживал!

– Но откуда он взялся? Я не знаю никакого лорда Давенпорта.

– Как это не знаете?

Келд недоверчиво прищурился.

– Вы хотите сказать, что не помните лорда Давенпорта? – спросил он таким тоном, будто не помнить этого самого Давенпорта было просто невозможно.

– Именно это я вам и говорю. Не помню ни Давенпорта, ни вас, ни того, как оказалась в этой комнате.

– Простите, леди Изабелла, я позову доктора.

Келд поспешно отвел взгляд, суетливо одернул старомодный полосатый пиджак, и рванул прочь из спальни, а я понаблюдала, как исчезает в высоком проеме худая, похожая на грача фигура, и попробовала поднять правую руку. С трудом, но удалось. Вот только легче от этого не стало.

– Господи, это еще что?

Я разглядывала изящную, почти прозрачную кисть, смотрела на тонкие пальчики и на круглые розовые ногти, и понимала, что схожу с ума. Рука была чужой. Уж это-то я могла определить. Где загар? Где яркий маникюр? Где шрам от падения с колеса обозрения? Где кольцо, в конце концов? Я пошевелила пальцами. Хрупкие, изящные, они послушно подчинились. Душу окатило таким ужасом, что мне захотелось громко завизжать, и лишь усилием воли я смогла сдержать этот порыв.

«Успокойся, Динка, – приказала себе самым твердым тоном, на какой была способна. – Это глюки. Скорее всего, ты сейчас лежишь в больничной палате, а мозг выдает тебе картинки несуществующей жизни. А как ты хотела? Головой ударилась? Ударилась. Вот и последствия».

– Видите, доктор Штерн, миледи пришла в себя, но никого не узнает и не помнит, что с ней случилось, – громкий голос Келда заставил меня взглянуть на открывшуюся дверь.

Ага. Глюк привел с собой еще одного. Окладистая седая борода, костюм-тройка, серебряная цепочка, свисающая из нагрудного кармана, внимательный взгляд и благообразное лицо – да у меня, оказывается, богатое воображение! Это ж надо таких колоритных персонажей придумать!

– Леди Изабелла.

Доктор Штерн остановился рядом с кроватью, потянул цепочку, доставая из кармана круглые часы, взял меня за руку и уставился на циферблат, видимо, считая пульс.

– Как вы себя чувствуете? – спустя пару минут участливо спросил доктор. – Что-нибудь болит?

– Вроде бы, нет. Только я почему-то не чувствую ног.

– Так-так. Не чувствуете, значит. Совсем?

– Совсем.

Штерн как-то странно провел рукой над моим телом и едва заметно нахмурился, но тут же постарался придать лицу благожелательное выражение. С таким обычно врачи объявляют тяжелобольным, что не нужно отчаиваться, и что все обязательно будет хорошо.

– Что ж, это не самое страшное. Главное, что вы очнулись, а все остальное поправимо, – преувеличенно бодро произнес Штерн, и я поняла, что он тоже врет.

– Простите, а что со мной было?

Я решила пока не спорить и вести себя так, будто верю происходящему вокруг.

– Вы действительно не помните?

Доктор нахмурил брови и посмотрел на меня с непонятным подозрением.

– Леди Изабелла, вы упали с лестницы третьего этажа.

Да с чего вдруг? Мы с тетей Фимой всегда на втором жили.

– Вы уверены?

Я удивленно уставилась на доктора, правда, потом вспомнила, что это все не по-настоящему, и заставила себя успокоиться.

– Разумеется. Как я могла забыть? А на лестнице в тот момент еще кто-нибудь был?

– Судя по рассказам слуг, только вы.

– И что, я просто так взяла и упала?

Я недоверчиво прищурилась. Доктор с магом переглянулись и замялись.

– Да ладно, говорите, как есть.

Я попыталась усмехнуться, но получилось неважно. Губы казались чужими.

– Может, я просто спрыгнуть хотела?

Как всегда в критической ситуации, меня тянуло на стеб, и я ничего не могла с собой поделать.

Штерн с Келдом снова посмотрели друг на друга, доктор кашлянул, а маг покраснел и выпалил:

– Ну что вы такое говорите, леди Изабелла? Конечно, вы упали совершенно случайно. Поскользнулись на припорошенной снегом площадке и...

Он не договорил, но показал руками стремительное падение.

– Подождите, что-то я не пойму, где эта лестница находится?

– Так от бельведера вниз идет, к главному входу, – пояснил Келд.

– И что, я прямо к этому самому входу приземлилась?

– Боюсь, если бы вы упали с такой высоты, мы бы сейчас не разговаривали, – вздохнул доктор. – Нет, вам повезло, падение оказалось недолгим. Вы позволите, миледи? – Штерн, не дожидаясь ответа, сжал мою правую руку и резко вонзил в нее какой-то острый предмет.

– Ай!

Это что же, я ощущаю боль даже во сне? Или это не сон?

По спине пробежал холодок.

– Потерпите, миледи. Ну-ка, а так?

Штерн ухватил левую ногу, но я не почувствовала ни его прикосновения, ни укола тонкой иглы, которую он всадил.

– Больно? – с надеждой посмотрел на меня доктор.

Я помотала головой, пытаюсь осознать, что все происходящее мне не чудится.

– Очень странно, – пробормотал Штерн. – Я надеялся, что нервные импульсы сохранились.

– Почему я ничего не чувствую?

Я взглянула на доктора, прикидывая, насколько реально происходящее. Может, все-таки глюки?

– У меня что, поврежден позвоночник?

– У вас был небольшой ушиб, но он уже прошел, все кости целы, трещин нет. Пока сложно понять, почему вы так долго не приходили в себя, и от чего исчезла чувствительность нижней половины тела.

Штерн отвечал мне, но выглядело это так, словно он говорит, скорее, с самим собой. Кустистые брови нахмурились, глаза за круглыми стеклами очков стали задумчивыми и отрешенными, а мягкие, чуть обвисшие щеки смешно подрагивали, отчего доктор казался похожим на бульдога.

– Что ж, будем надеяться, со временем чувствительность вернется, – преувеличенно бодро сказал Штерн и добавил: – Как и память.

Да, насчет памяти – это он в точку. Мне бы очень хотелось понять, как я оказалась непонятно где, и почему меня называют чужим именем. А если учесть совершенно не мою руку...

– Мне нужно зеркало.

Я посмотрела на туалетный столик и поморщилась. Далековато. С неподвижными колодами вместо ног мне до него точно не добраться.

– Присси! – позвал Келд и дернул висящий рядом с кроватью шнурок, а буквально спустя минуту в комнате появилась невысокая очень молоденькая девушка в старомодном платье и в накрахмаленном белоснежном фартуке.

На светлых волосах незнакомки топорщился смешной головной убор с острыми краями, симпатичное личико выглядело взволнованным, а большие голубые глаза смотрели пытливо и настороженно.

– Принеси миледи зеркало, – приказал Келд.

Он выпрямил спину и слегка оттопырил нижнюю губу, поглядывая на девушку с небрежным превосходством.

– Сию минуточку, тер маг, – пробормотала Присси.

Она метнулась к незаметной двери и вскоре уже стояла рядом с кроватью, вытянув руку с небольшим заключенным в овальную раму зеркалом.

– Вот, миледи.

Девушка смотрела на меня с опаской. Интересно, чего она боится? Хотя, это сейчас неважно.

Я подняла взгляд и уставилась на собственное отражение. И чем дольше смотрела, тем страшнее мне становилось. Из зеркальных глубин на меня глядело чужое лицо. Красивое, очень юное, похожее на тончайший фарфор: белоснежная кожа, высокие скулы, тонкие свет-

лые брови, пухлые губы. И только глаза – зеленые, яркие, с застывшим в них знакомым упрямым выражением – были моими. И именно они заставляли поверить, что вот эта светловолосая девушка, отражающаяся в зеркале, действительно я.

Сердце сбилось с ритма, а потом застучало часто, как у пойманного воробья.

Я снова обвела взглядом комнату, остановилась поочередно на каждом предмете и на лицах застывших у кровати людей, и поняла одну вещь. Это не сон. Это какая-то странная реальность, в которой у меня другое имя и другая внешность.

На этой мысли я почувствовала, как в груди что-то запекло, а следом в легких резко закончился воздух, и я благополучно отключилась.

Рес! Он смотрел на Вернсдофа, и едва сдерживал злость. Ублюдок явно что-то знает об артениде. Знает, но молчит. А лживые глазки так и шныряют по допросной, перепрыгивают с предмета на предмет, лишь бы с ним взглядом не встречаться. Понимает, паскуда, что не просто так он тут сидит, не для мебели.

Он повернул на пальце переговорное кольцо и задумался. Может, вызвать Рэна? Нет. Рано еще. Пока этот ублюдок молчит, Давенпорт будет только мешать. Слишком правильный. Да и Герберт чересчур флегматичен, чтобы встряхнуть из этого куса дерьма душу. Рес! Если допрос и дальше пойдет в таком темпе, то они тут до ночи проторчат. Попался бы ему Верн в былые времена! Он бы с ним не церемонился. Врезал бы пару раз под дых, живо бы заговорил.

– Это произвол! – будто услышав его мысли, прогундосил Вернсдоф. – У вас нет никаких улик, вы не имеете права меня удерживать.

– Нет улик, говоришь?

Он усмехнулся, а Верн съезжился и прикрылся рукой.

– Я буду жаловаться, – неуверенно проскулил паскудный волк, поглядывая на него из-под локтя, как побитая шавка.

Бойтся. Правильно бойтся. Знает, что он с ним и по-другому поговорить может.

– Жаловаться, значит, – он задумчиво кивнул и обернулся к Герберту. – Не оставишь нас наедине?

Спокойно так обратился. Вежливо.

– Лорд Холм, я не имею права, – голос полицейского заметно дрогнул. – Начальник будет недоволен, если узнает, что на допросе присутствовали посторонние, я и так нарушил правила, позволив вам находиться в допросной.

– Не трусь. С твоим начальником я сам разберусь.

Он усмехнулся шире и посмотрел на Вернсдофа.

– Только побеседую чуток с нашим гостем, и разберусь. Уверен, проблем не будет.

– Я скажу! – торопливо просипел Верн, потирая заросшую щеку кривым пальцем. – Я все скажу! Сам. Только запишите, тер полицейский, что я добровольно признался!

– Ну, вот и славно, – ласково сказал он, но Герберт и задержанный испуганно переглянулись. – Что ж, я слушаю. У кого, говоришь, Бавес украл артенид?

Второй раз возвращение к жизни далось гораздо легче. Я уже проще отнеслась к окружающей действительности, и даже попыталась подвести «научную базу» под происходящее. Скорее всего, травма, которую я получила в тот злосчастный понедельник на работе, оказалась несовместимой с жизнью, и меня перенесло в другую реальность. А что? Сколько раз вместо того, чтобы писать финансовый отчет, я зачитывалась книгами о других мирах, и меч-

тала попасть в один из них? Вуаля! Мое желание исполнилось. А то, что я оказалась на месте парализованной после падения леди, так это дело поправимое. Я буду не я, если не подниму эту белоснежную деву с одра болезни и не разберусь, кто она такая, и почему я попала в ее тело. И куда, кстати, делась его настоящая владелица.

– Миледи, вы проснулись! – пискнул кто-то справа от меня, и я едва не подскочила от неожиданности.

Да что ж такое-то! Ни минуты не дадут побыть в одиночестве.

– Присси?

Я открыла глаза и уставилась на застывшую в паре шагов от кровати девчущку. Та смотрела недоверчиво, исподлобья, и нервно кусала тонкие обветренные губы.

– Доктор велел быть с вами, пока вы не очнетесь, – сложив руки за спиной, тихо сказала Присси, и покраснела.

Интересно, чего она так боится? Или правильнее будет спросить, кого?

– Поможешь мне сесть?

Я решила не обращать внимания на поведение служанки. Пока что все, с кем я успела познакомиться в новом мире, вели себя странно. Такое ощущение, что и Келд, и Присси, и доктор Штерн что-то знали, и старались от меня скрыть. Вот только не на ту напали. Мне бы оглядеться немного, а там я обязательно выясню, что происходит.

– Миледи.

Присси обхватила меня за талию и помогла приподняться, а потом ловко сунула под спину подушку и поправила оборки тонкой сорочки.

– Что-нибудь еще, миледи?

– Я хочу умыться.

– Слушаюсь, миледи, – тут же откликнулась служанка, но испуганно-настороженное выражение так никуда и не делось с ее лица.

Правда, это не помешало Присси шустро притащить небольшой фарфоровый тазик с водой и лоскут ткани, которым она и принялась водить по моему лицу. Движения служанки были несмелыми и неловкими, но я терпела. Вот только надолго меня не хватило.

– Ну-ка, дай сюда.

Я забрала у Присси влажное полотенце, приспустила бретельки сорочки и вытерла шею и грудь, которая, кстати, оказалась немного больше моей прежней. Хорошая такая троечка вместо неполной двоечки. Нет, на свою я никогда не жаловалась, но кто ж откажется от хорошего объема в нужном месте?

– Миледи, доктор сказал, что вы должны поесть, – пискнула Присси. – Я принесу обед?

При слове «еда» желудок сжал спазм, а рот наполнился горькой слюной. М-да, похоже, для обеда еще рановато.

– Не нужно.

Я помотала головой и почувствовала, как перед глазами снова все поплыло. О нет. Только очередного обморока не хватало!

«Динка, перестань изображать кисейную барышню, и немедленно соберись!» – сказала я себе, и сжала кулаки.

Организм проникся внушением, и белые круги перед глазами растворились и исчезли. Ну вот, так-то лучше.

Я посмотрела на горничную.

– Присси, а маг сейчас здесь?

– Нет, миледи. Он живет в трех кварталах от Венге-роуд.

– А доктор?

– Ушел, миледи.

– И часто они тут бывают?

– Пока вы были за Гранью, тер маг неотлучно находился при вас, а доктор Штерн заходил два раза в день.

– Скажи, Присси, а кто живет в этом доме?

Я разгладила ладонями покрывало и внимательно посмотрела на служанку.

– Вы, миледи, – растерянно моргнула та.

– А кроме меня?

– Слуги, миледи.

– А мои родные?

– Так у вас никого нет, миледи. Только лорд Давенпорт.

Вот уже третий раз я слышу это имя. И почему-то оно мне совсем не нравится. Отдает чем-то английским и непомерно чопорным.

– Мой опекун?

– А вы правда ничего не помните, миледи? – с сомнением посмотрела на меня Присси, и в ее глазах мелькнул и тут же погас опасливый огонек.

– Ничего, – почти искренне вздохнула в ответ, и спросила: – Так что с моим опекуном? Кто он такой?

– Лорд Давенпорт? – снова переспросила Присси, и мне захотелось встряхнуть ее, чтобы она перестала отвечать вопросом на вопрос. – Он давний друг леди Летиции. Ваша тетя ему очень доверяла, поэтому в завещании указала его вашим опекуном.

– Выходит, раньше я жила здесь с тетей?

– Ну да.

– А мои родители?

– Я не знаю, миледи. Вы сирота, старые слуги говорили, что леди Летиция привезла вас из Эрголя совсем маленькой.

Ну надо же! Как похоже на мою другую жизнь. Тетя Фима тоже воспитывала меня одна. Забрала у матери, когда мне исполнилось четыре года, перевезла из Томска в Питер, и заявила мужу, что я буду жить с ними. Вскоре после этого муж тети Фимы собрал вещи и исчез в неизвестном направлении, а мы так и остались вдвоем. И жили вместе до того самого дня, как тетушка угодила под машину. А потом и меня угораздило надеть на работу новые туфли, и в итоге попасть в другой мир. И как я умудрилась сломать каблук? Не иначе, сглазили. Точно. Люська с такой завистью смотрела, прямо взглядом облизывала мои «Эталони». «Что, Динка, неужели наконец-то богатого мужика завела?» – словно наяву слышала ехидный голос коллеги, будь она неладна. Можно подумать, что для того, чтобы купить хорошую обувь, нужно непременно заводить мужика. Хотя, если бы не финальная семидесятипроцентная скидка, я бы эти туфли в жизни не купила. И не было бы теперь вот этого всего.

Я обвела взглядом просторную комнату, задержавшись на потрескивающем дровами камине, и спросила:

– И что, никому не известно, кем были мои родители?

– Наверное, об этом знает лорд Давенпорт, – нахмурилась Присси. – Он ведь ваш опекун.

Я почувствовала, что если служанка еще раз произнесет слово опекун, то я точно сорвусь. Какой может быть опекун у взрослой двадцатисемилетней женщины? Хотя да, о чем я? Судя по виду этой самой Изабеллы, ей не дашь больше восемнадцати.

Интересно, куда она сама подевалась? И узнаю ли я когда-нибудь, что с ней произошло?

– Так вам обед принести, миледи? – пискнула Присси и тут же смущенно потупилась и густо покраснела, словно сама испугалась собственной смелости.

– Не нужно. Подай мне воды и можешь идти. Я хочу побыть одна.

Я чувствовала настоятельную потребность остаться наедине с собственными мыслями и попытаться проанализировать происходящее. Странно все-таки. Никогда не думала, что ока-

жусь в другом мире, да еще и во времени, напоминающем то ли конец девятнадцатого, то ли начало двадцатого века.

«Вот так и бывает, Динара Витальевна, живете себе, живете, а в один прекрасный день – бац! И вы уже леди Изабелла, юная девица с парализованными ногами, потерей памяти и кучей загадок вокруг. И что думаете делать?»

А чего тут думать? Как любила говорить тетя Фима, главное – живы, а со всем остальным разберемся. Вот только разбираться нужно поскорее. Не нравится мне окружение этого нежного цветочка. Что-то они все скрывают. Еще и опекун... Надо бы с ним пообщаться, пощупать, чем он дышит. Но сначала нужно найти средство передвижения. Интересно, у них тут инвалидные коляски есть? Если нет, придется изобрести, потому что я не собираюсь лежать безвольным овощем, и терпеть вранье окружающих. Нужно выбираться из комнаты, и своими глазами посмотреть, что происходит в доме. Да и лестницу посетить не мешало бы. Полюбопытствовать, как же это Белла умудрилась с нее упасть?

Я смотрела в окно на медленно кружащиеся снежинки, и составляла план новой жизни, стараясь не думать о прошлом и об оставленных в Питере друзьях и Славике. Правда, мысли о привычном мире все равно просачивались. Вспоминались тетя Фима, кутающаяся в ажурную вязаную шаль и раскладывающая на старинном круглом столе очередной пасьянс, крошечная квартира в Кузнечном переулке, маленькие, вытянутые больше вверх, чем вширь, комнаты, и подтекающий кран в ванной. И хотелось снова оказаться на уютной кухне с высокими потолками, взять в руки тонкую фарфоровую чашку и сделать глоток восхитительно крепкого кофе.

Я так явственно представила обжигающе горячий, насыщенно горький эспрессо, что даже вкус его во рту ощутила. Вот чего мне не хватает! Интересно, а в этом мире выращивают кофе?

«Не о том думаешь, Динка. Не до кофе сейчас, надо решать, что делать».

Я внимательно оглядела комнату.

А что тут думать? И ежу понятно, что на первых порах лучше поменьше болтать и побольше слушать. Ну а дальше потихоньку разберусь. С чем только современная русская женщина не справится! Избы и кони – это вчерашний день, мы теперь без дела в огонь не лезем, и скакунов на ходу не останавливаем, зато с легкостью можем начать жизнь с нуля.

Я посмотрела на укрытые покрывалом неподвижные ноги и заставила себя улыбнуться. Ничего. И с этим разберусь. Раз уж судьба забросила меня в другой мир, то наверняка не для того, чтобы я в постели валялась. Нет. Однажды я встану. Обязательно. И постараюсь устроить жизнь так, чтобы ни от кого не зависеть.

– Присси!

Я громко позвала служанку и только потом вспомнила, что для ее вызова есть звонок, и дернула свисающий над кроватью шнурок.

– Миледи?

Личико Присси все еще выглядело настороженным, но в глазах уже не было прежнего страха.

– Я хочу видеть своего опекуна. Можешь это устроить? И принеси обед.

Аппетита по-прежнему не было, но я понимала, что, если хочу восстановить силы, мне необходимо поесть.

– Слушаюсь, миледи, – пискнула служанка, и тут же исчезла за дверью.

М-да, неплохо бы заменить горничную на кого-то более адекватного. Хотя еще не факт, что в этом доме такие имеются.

Присси вернулась с подносом, я через силу заставила себя проглотить несколько ложек непонятной размазни, похожей на вязкую овсяную кашу, а потом переоделась с помощью служанки, и принялась ждать опекуна.

– Белла.

Высокий мужчина лет тридцати семи вошел в комнату и остановился в нескольких шагах от кровати. Длинное породистое лицо выглядело бесстрастным, темные, аккуратно уложенные волосы придавали ему холодную строгость, а глаза... Никогда не думала, что коричневый цвет может быть ледяным. Но именно такими были глаза незнакомца: карие, с едва заметным морозным налетом. Они напоминали шоколад, пролежавший пару часов в холодильнике.

Гость произнес мое имя и замолчал, а я смотрела на него и пыталась понять, как себя вести. Если судить по одежде Давенпорта – надо сказать, идеально сидящей на своем обладателе, – то в этом мире сейчас примерно конец девятнадцатого века, а это значит, что ни о какой эмансипации еще и речи не идет, и женщины полностью зависят от мужчин. Наверняка Изабелла общалась со своим опекуном почтительно, как подобает воспитанной юной леди. И если я сейчас начну разговаривать с затянутой в серый костюм ледишкой в привычной мне манере, то опекун сразу поймет, что я не Белла.

И что делать? Молчать? Или попробовать как-то наладить контакт? Эх, если бы я еще знала, какой была моя предшественница! Не спросишь же напрямую у слуг или у этого самого опекуна. Хотя, в любом случае, даже самые резкие изменения в поведении и характере можно оправдать долгой комой и потерей памяти.

Не успела об этом подумать, как Давенпорт сделал шаг вперед и спросил низким, лишенным эмоций голосом:

– Как ты себя чувствуешь, Изабелла?

– Неплохо, только вот ноги...

Я вздохнула, а опекун кивнул и сказал:

– Да, Штерн предупредил, что ты не можешь ходить, и ничего не помнишь.

Мне достался острый внимательный взгляд, от которого захотелось поежиться.

– Увы. Как ни старалась, я не смогла вспомнить ни вас, ни свое прошлое, ни тетушку.

Я снова вздохнула, опустила голову, скрывая отсутствие таких необходимых в этот момент слез, и судорожно стиснула руки.

– Это так... Так страшно, – всхлипнула дрожащим голосом, но тут же засомневалась, а не переигрываю ли я? Что, если Белла не была склонна к слезам? Да нет, вряд ли. С ее внешностью нежного тепличного цветочка она наверняка легко могла заплакать от страха, обиды или несправедливости.

– Ну, полно, полно, Белла, – в голосе Давенпорта послышались более человеческие нотки. – Перестань. Ты обязательно поправишься.

– Вы уверены?

Опекун выглядел уже не таким замороженным. И в глазах эмоции появились, вот только я не смогла разобрать, какие.

– Разумеется, – кивнул Давенпорт и достал из нагрудного кармана золотые часы. – Доктор Штерн сказал, что это всего лишь вопрос времени.

На бледном лице застыло странное выражение. Похоже, лорд пытался ободряюще мне улыбнуться, но не слишком хорошо знал, как это делается.

– Значит, ног ты не чувствуешь? – оставив неудавшуюся попытку, спросил опекун, и уточнил: – До пояса?

– Почти.

– Что это значит?

Давенпорт прищурился.

– Ниже колен вообще ничего, выше – иногда что-то ощущаю, правда, двигаться особо не могу.

– Ты позволишь?

Опекун убрал часы в карман, подошел ближе и также, как недавно доктор Штерн, медленно провел рукой над моими укрытыми покрывалом ногами. На его длинном лице появилось странно задумчивое выражение. Казалось, Давенпорт к чему-то прислушивается. Время шло, в комнате царила тишина, нарушаемая лишь тихим треском дров в камине, а опекун все молчал, застыв надо мной неподвижным изваянием.

– Ну что? Больной скорее жив, чем мертв? – не выдержав долгого ожидания, спросила я.

Давенпорт не ответил. Он продолжал напряженно хмуриться и разглядывать узоры на покрывале с таким видом, словно не мог решить какую-то сложную задачу.

– Неужели все так плохо?

Я пыталась бодриться и не поддаваться унынию, но сердце вдруг екнуло. Что, если у меня не получится встать на ноги? Да нет, глупость какая! Я обязательно встану.

– Нет. Не плохо.

Давенпорт покачал головой и снова провел руками, захватывая, на сей раз, область от груди и ниже.

– Скорее, странно, – тихо сказал он.

– И в чем заключается эта странность?

Мне хотелось встряхнуть опекуна и вынудить его говорить быстрее, но я заставила себя сосчитать до пяти и выдохнуть.

– Магические потоки исчезают, – с сомнением посмотрев мне в глаза, ответил Давенпорт. – Чем ниже от сердца, тем они слабее.

Час от часу не легче! С чего бы им исчезать? Стоп. Что он сказал? Магические потоки? Выходит, в этом мире действительно есть магия, и Келд – настоящий маг? С ума сойти!

– И чем это грозит?

Я напряженно смотрела на Давенпорта.

– Мне нужно кое с кем посоветоваться, – ушел от ответа опекун. – Пока трудно сказать, но я уверен, что все поправимо.

– Получается, мой паралич случился не из-за падения?

– Белла, не думай об этом. В скором времени ты обязательно встанешь на ноги, я найду способ.

В бесстрастном еще недавно голосе прозвучали неподдельные эмоции, но уже спустя секунду опекун отошел от кровати, и на его лице застыло прежнее холодное выражение.

– Что ж, уверена, у нас все получится.

Я из-под ресниц взглянула на Давенпорта. Тот снова вытащил часы, но открывать их не стал, поглаживая едва заметную гравировку, и уже привычно хмурясь. Я понаблюдала пару минут за движениями его пальцев, а потом не выдержала.

– Лорд Давенпорт, я так хочу выбраться из комнаты, подышать свежим воздухом. Мне невыносимо все время лежать в постели и не иметь возможности передвигаться. Может, есть какой-то способ?..

Я не договорила и умоляюще посмотрела на опекуна, пытаясь взглядом передать, как мне это необходимо, а Давенпорт снова едва заметно нахмурился, открыл крышку часов и уставился на циферблат.

– Я распорядился, чтобы тебе доставили коляску, управляемую с помощью магии, – не поднимая головы, сказал опекун.

В его голосе сквозило сомнение. Казалось, Давенпорт был не слишком уверен в том, что поступает правильно. Наверное, не мог допустить, что я справлюсь. Хотя, что сложного в том, чтобы крутить колеса?

– Конечно, тебе придется приложить определенные усилия, чтобы научиться управлять коляской.

Ровные брови опекуна сошлись на переносице. Понятно. Боится, что у меня не получится. Это он зря. Да ради одной возможности покинуть надоевшую постель и добраться до ванной я готова, на что угодно.

– Я очень постараюсь, – ответила опекуну.

Золотая крышка захлопнулась с сухим щелчком, Давенпорт убрал часы в карман и негромко позвал:

– Олаф!

Двери медленно открылись, и в комнату, толкая впереди себя инвалидную коляску, вошел высокий рыжий парень.

– Вот, лорд Давенпорт, все, как вы заказывали. Удобное кресло, подножки регулируются по высоте, колеса совершенно бесшумные, магии хватает на полгода ежедневных передвижений, потом нужна будет подзарядка.

Олаф улыбнулся и тряхнул головой, отбрасывая со лба длинную густую челку.

– Миледи, хотите попробовать? – посмотрел он на меня, и в его глазах я заметила азарт мастера, которому не терпится показать свое творение.

– Думаю, пока еще рано, – начал опекун, но я его перебила и торопливо кивнула.

– Хочу. Прямо сейчас. Давайте попробуем.

Давенпорт сдвинул брови, но я решила не обращать внимания на его недовольство.

– Поможете мне?

Я посмотрела на Олафа, и тот подкатил кресло к кровати, а потом легко поднял меня на руки и усадил на сиденье.

– И как им управлять?

Я погладила обтянутые кожей подлокотники.

– Видите вот этот рычажок? – принялся объяснять парень. – Кладете на него руку, дожидаетесь, пока рядом с ним загорится зеленый огонек, и поворачиваете. Вот так. А дальше вам останется только мысленно приказать, куда ехать, и кресло само выберет дорогу.

– Выходит, оно разумное?

– В заданных рамках, – улыбнулся Олаф и предложил: – Благодаря вложенной в него магии, кресло способно считывать приказы владельца. Ну что, попробуем выехать из комнаты?

– Белла, ты уверена, что тебе это по силам? – вмешался опекун. – Может быть, пока отдохнешь?

– Нет, спасибо, я хочу испытать кресло прямо сейчас.

Я нажала на рычажок, дождалась, когда он загорится зеленым, и мысленно приказала: – «Вперед!»

Кресло тихо зажужжало и покатило к двери. Олаф открыл ее, я выехала в коридор и огляделась по сторонам. Бордовые обои на стенах выглядели затертыми, как и мраморные полы, тусклые светильники почти не давали света. Воздух слегка отдавал плесенью, а на картинных рамках толстым слоем лежала пыль. Странно. Такое ощущение, что здесь давно не убрали.

Я тронулась с места и покатила к виднеющейся впереди лестнице. Коляска бесшумно ехала по каменным плитам, Олаф на всякий случай подстраховывал, придерживая спинку, а Давенпорт безмолвно шел следом, и от его высокой фигуры исходило едва ощутимое неодобрение. Я чувствовала, что опекуну не по душе внезапная прогулка, и пыталась понять, почему. Но это было лишь одно из целого вороха недоумений, которые теснились у меня в голове.

Я смотрела по сторонам, разглядывала обитый темными деревянными панелями холл, лестничные пролеты, уходящие вниз и вверх, и не могла понять, почему за пределами спальни

Изабеллы все выглядит так, словно этот дом когда-то знал лучшие времена, но сейчас пребывает в полном запустении.

– Лорд Давенпорт, а отчего все вокруг такое ветхое? – не удержавшись, спросила опекуна.

– Этому особняку довольно много лет, и за последние пять десятилетий здесь почти ничего не меняли, – ответил тот.

– Почему?

– Ваша тетя не любила впустую тратить деньги.

– Да? Что ж, понятно.

На самом деле, у меня было что сказать насчет экономности старой хозяйки, но коляска подъехала к лестнице и остановилась, а я задумалась, что делать. Пандуса-то нет. А ступеньки довольно высокие, креслу их не преодолеть.

– Давайте, я помогу, – вызвался Олаф.

Он поправил мою руку, накрыв ею рычажок, и сказал:

– Представьте, что медленно спускаетесь вниз.

Я посмотрела на длинный лестничный пролет и засомневалась. Слишком крутой спуск. Если упасть – точно костей не соберешь.

– Не бойтесь, миледи, – уговаривал меня мастер.

А я боялась. Боялась – и все тут. Кто ее знает, эту магию? А вдруг она не сработает, и я грохнусь с пятиметровой высоты прямо на каменные плиты? Один раз Белла уже упала. Где гарантия, что это не повторится снова?

– Закройте глаза и представьте, что спускаетесь ногами, – терпеливо посоветовал Олаф.

– Белла, если ты не готова, давай вернемся в комнату. Наверное, еще рано, тебе нужно окрепнуть.

Давенпорт посмотрел на меня своим нечитаемым взглядом, а меня словно подкинуло. Э нет. Не собираюсь я сидеть в четырех стенах.

«Хватит трусить, Динка! Представь, что просто спускаешься по лестнице, и вперед».

Я опустила веки, снова нажала рычажок и «пошла» по ступеням. А когда открыла глаза, поняла, что кресло, не касаясь, скользит по лестнице и уже миновало почти целый пролет. Олаф подстраховывал меня, придерживая спинку, колеса чуть поскрипывали, Давенпорт с хмурым видом шел рядом. Чувствовалось, что опекуну не по душе мое самоуправство, и он был бы рад отправить меня обратно в спальню. Что ж, это не мои проблемы. Придется мистериу снобу смириться.

– Миледи!

Не успела я спуститься вниз в большой, запущенный холл, как мне навстречу кинулась полная седая женщина в длинном сером платье. Скорее всего, экономка, судя по связке ключей, болтающихся у нее на поясе.

– Ох, радость-то какая! Леди Изабелла, вы очнулись, – причитала толстуха, и ее добродушные зеленые глаза наполнились слезами. – А мы уж и не надеялись!

Не надеялись? Очень интересно.

– Напугали вы нас, миледи, ой, как напугали! Две седмицы без движения пролежали. Бледная, чисто покойница!

– Эльза.

Давенпорт так посмотрел на экономку, что та моментально замолчала на полуслове, и попятилась.

– Ужин готов? – спросил Давенпорт.

– Да, милорд. Велите подавать?

– Изабелла?

Взгляд опекуна остановился на моей переносице. Я уже заметила, что Давенпорт не любит смотреть в глаза, предпочитая уставиться чуть выше. И каждый раз у меня возникало ощущение застывшей между бровями красной точки от снайперской винтовки.

– Я пока не голодна, и хотела бы продолжить осмотр дома. Ну, и познакомиться со слугами заодно.

– Познакомиться?

Рот экономки удивленно приоткрылся.

– Леди Изабелла потеряла память, – сухо пояснил Давенпорт.

– Да как же это?

Толстуха всплеснула руками и тут же опасливо покосилась на Давенпорта. Похоже, моего опекуна все побаивались. И это наводило на размышления. Интересно, кем он работает? Или в этом времени нужно мыслить другими категориями?

– Лорд Давенпорт, можно спросить?

Я решила не гадать, а выяснить все здесь и сейчас. Раз уж все поверили в потерю памяти, нужно этим пользоваться.

Взгляд опекуна переместился чуть ниже. Темные глаза настороженно блеснули.

– Чем вы занимаетесь? У вас есть какая-то должность? – поинтересовалась я.

Справа, со стороны Эльзы, послышался странный звук. То ли сдвленный вздох, то ли приглушенное восклицание.

– Служу в Департаменте внутренней безопасности.

На лице Давенпорта не дрогнул ни один мускул, а я едва не приоткрыла рот также, как недавно Эльза. Вот это номер! Это что же, опекун Беллы – сотрудник местного ФСБ?! Интересно, продажный, или нет?

«Ох, Динка, испортила тебя современность! Почему же сразу продажный? Может, наоборот, честный, и преданный делу». Хм. А ведь еще неизвестно, что лучше. И как отреагирует этот сухарь, когда узнает, что я не Белла?

– Если ты собираешься продолжить осмотр, советую начать с гостиной, – невозмутимо произнес Давенпорт, и я, отвлекшись от собственных мыслей, согласно кивнула.

– Куда ехать?

– Направо по коридору, первая дверь.

Я покатила в указанном направлении, и вскоре уже миновала порог темной, тесно заставленной мебелью комнаты. В нос ударил сладковатый, пропахший увядшими розами, воздух.

Опекун щелкнул пальцами, люстра, низко свисающая с потолка в центре зала, вспыхнула ярче, и в помещении стало светлее. Олаф отпустил спинку кресла и шагнул назад к двери, а я огляделась по сторонам. Странно. Столько мебели. Три дивана, выстроившиеся вдоль стены, четыре кресла, собравшиеся в кружок в центре комнаты, стулья, сгрудившиеся у противоположной от диванов стены, несколько столов всех форм и размеров, какие-то разномастные шкафы. А еще повсюду стояли засушенные букеты из желтых роз. Вот откуда в комнате этот странный запах!

– Необычный интерьер, – тихо пробормотала я, но Давенпорт услышал.

– Твоему прадеду принадлежали мастерские краснодеревщиков в Эрголе. Позже их унаследовал твой дед. Мебель, которую ты видишь в доме, вышла из рук его мастеров.

– Настоящий склад старья, – машинально заметила я, раздумывая, как бы поаккуратнее выяснить, какой была Изабелла Бернстоф.

Я представила изящную скромную девушку, проводящую время в захлавленной гостиной в обществе скупой тетки, и мне стало жаль свою предшественницу. Все-таки мало веселого в том, чтобы жить в окружении антикварного старья, и безропотно подчиняться чужой воле.

– Изабелла, я бы посоветовал тебе проявлять больше уважения к прошлому семьи, – вырвал меня из размышлений голос Давенпорта.

Я предпочла не заметить недовольства опекуна, и подъехала к скособоченному секретеру из красного дерева. Своими многочисленными ящичками он удивительно напоминал шкафчики для картотеки. Интересно, что там внутри? Я потянулась к одному из отделений, собираясь узнать ответ на свой вопрос, и в этот момент боковым зрением заметила, что кольцо на пальце опекуна загорелось приглушенным красным светом, а за спиной Давенпорта мелькнул размытый белый силуэт.

– Что? – коротко спросил Давенпорт, глядя на мерцающий алым камень.

– Рэн, мы можем встретиться? – послышался низкий мужской голос, причем шел он прямо из кольца. – Это срочно.

– Ты один? – бросив на меня короткий взгляд, негромко спросил опекун.

– Да, – ответил неизвестный. – Ты дома? Я за тобой заеду.

– Я в особняке Бернстофов.

Кольцо вспыхнуло ярким светом, и в нем что-то затрещало.

– Лукас? – позвал Давенпорт.

Камень заискрился, и лишь спустя несколько секунд снова раздался голос.

– Да, я слышу, – сказал он, и мне показалось, что неизвестный чем-то недоволен.

– Приезжай, – коротко сказал Давенпорт.

– Что ж, ладно. Буду через десять минут, – с непонятным сомнением протянул баритон, и камень погас.

– Вам пора уходить?

Я почувствовала облегчение. Рядом с этим строгим и чопорным мужчиной мне было не по себе. А так, уйдет он, и я спокойно осмотрюсь, познакомлюсь со слугами, подумаю над тем, что делать дальше. Может, попробую кого-нибудь осторожно расспросить о Белле. Хотя, сделать это будет непросто. «Вы не подскажете, какой у меня характер? А что я предпочитаю есть на завтрак? А как относилась к тетушке?» Боюсь, после таких вопросов меня точно запишут в сумасшедшие, и сдадут в психушку.

– Да, пора, – брови опекуна сошлись на переносице, придав длинному лицу еще более суровый вид. – А тебе лучше подняться наверх, в свою комнату.

– Но я не устала.

– Белла, не спорь, – в голосе Давенпорта послышалось предупреждение.

Ух, какой грозный. Привык отдавать приказы, вот только я терпеть не могу, когда мне пытаются навязать чужую волю. И потом, если я сразу не поставлю себя с этим опекуном так, как нужно, то не успею оглянуться, как он превратит меня в послушную куклу.

– Я и не спорю, – спокойно ответила Давенпорту. – Просто говорю, что прекрасно себя чувствую, и собираюсь продолжить осмотр дома.

Опекун заложил руку за борт сюртука и нахмурился.

– Изабелла, – начал он, но продолжить не успел.

В открытые двери гостиной гуськом вошли пять женщин во главе с экономкой, и четверо мужчин. Они неловко, толкаясь и переглядываясь, выстроились в линейку, и уставились на меня с плохо скрытым любопытством. Присси, с которой я уже успела познакомиться, настоятельно смотрела из-под полей своего странного чепца.

– Миледи, вы хотели видеть слуг, – выступила вперед Эльза. – Вот, извольте, все здесь.

Женщины несмело улыбались, правда, от этого их лица не выглядели приветливее, мужчины хмурились и косились исподлобья. Казалось, слуги не знают, чего от меня ждать, но уже заранее настроены на худшее. Что и говорить, компания подобралась колоритная.

– Думаю, вы уже знаете, что из-за падения я потеряла память, – решив не обращать внимания на недоверие прислуги, бодро заявила я. – И теперь вынуждена заново знакомиться с обитателями дома.

Я проехала вперед и остановилась перед кривой «линейкой», переводя взгляд с одного лица на другое. Люди поспешно закивали, одна женщина даже улыбнулась вполне нормальной улыбкой, а в глазах еще двоих я заметила жалость.

– Представьтесь, кто есть кто?

Я внимательно посмотрела на слуг, пытаясь понять, что с ними делать. Для меня само наличие в доме прислуги казалось странным. Я привыкла все делать сама, а тут столько работников! И мне придется жить в их окружении, строить из себя благородную леди, не способную одеться без помощи камеристки, отдавать приказы и делать вид, что я настоящая аристократка. Интересно, как надолго меня хватит?

– Я Лива, миледи, – прервав мои размышления, сказала дебелая пожилая женщина с изрытым оспой лицом, и присела в неуклюжем книксене. – Кухарка.

– А я – Роза, горничная, – поклонилась вторая, и ее маленькие глазки забежали из стороны в сторону, точь в точь, как испуганные тараканы.

– Вилма, служанка, – коротко представилась следующая. Она казалась невозмутимой и равнодушной, а ее тонкие губы сжались так плотно, словно их хозяйка опасалась сказать лишнее слово.

– Присси, камеристка, – не глядя на меня, пискнула моя «личная» горничная.

– Леа, миледи, помощница кухарки, – дрожащим голосом сказала невысокая худощавая женщина в коротковатом платье. Полосатые шерстяные чулки, выглядывающие из-под него, подчеркивали ее кривые ноги, придавая служанке карикатурный вид.

Следом назвали свои имена мужчины. Среди них оказались дворецкий, конюх, дворовый работник, и истопник.

– Очень приятно, – улыбнулась я, но, если уж быть честной, приятного в знакомстве с челядью было мало. Слуги не внушали мне доверия. Казалось, каждый из них что-то скрывает, или чего-то боится. Знать бы еще, чего.

Я продолжала разглядывать переминающихся с ноги на ногу работников, и в этот момент раздался мелодичный звон.

– Я открою? – неуверенно спросил дворецкий Петерсон, переводя взгляд с меня на Давенпорта.

Лысый худощавый старик напоминал старую клячу, и смотрел так же грустно и безнадежно. И я вдруг подумала, что ему бы на пенсии правнуков нянчить, а не двери в чужом доме открывать.

– Иди, – кивнул опекун.

Петерсон вышел, и спустя пару минут вернулся в сопровождении высокого темноволосого мужчины. Вот это фактура! Я на секунду зависла, разглядывая незнакомца. По виду, ровесник Давенпорта. Красивое, немного хищное лицо, желтые глаза с прищуром, небольшие усы над яркими губами и черные, с синеватым отливом волосы, густые, гладко зачесанные назад. Хорош. Очень хорош. Белый шейный платок подчеркивал смуглую кожу, тонкие кожаные перчатки плотно облегли крупные руки, а длинное горчичного цвета пальто и блестящие коричневые туфли придавали гостю щегольской вид.

– Темного, – кивнул незнакомец Давенпорту, и перевел взгляд на меня.

В желтой глубине мелькнул огонек. Мелькнул, и тут же погас, но я успела понять, что передо мной настоящий хищник. Нет, он умело скрывал это под идеально сидящей одеждой и налетом франтовства, но цепкие глаза и жесткие складки вокруг губ не оставляли иллюзий. «О боже, какой мужчина! – вспомнился навязчивый хит из прошлого, и я машинально «допела»: – Я хочу от него сына». Вот же бред какой!

Сообразив, что откровенно пялюсь на незнакомца, отвела взгляд и уставилась на безвольные, непривычно белые руки, лежащие на коленях. Похоже, они никогда не знали работы, вон какие пальчики нежные. Я старалась думать о чем угодно, только не о яркой, почти живот-

ной мужской харизме, которая исходила от гостя. Если бы это было так легко! Казалось, мачо заполнил собой все пространство комнаты, и я почувствовала, как тяжело стало дышать и как гулко забилося сердце. Оно все убыстряло свой бег, а внутри возникло никогда прежде не испытанное предвкушение горячего безудержного секса. Вот уж неожиданность. Даже не представляла, что умею так чувствовать. Славик в постели звезд с неба не хватал, хоть и старался. А этому даже делать ничего не нужно. Посмотрел – и все женщины в комнате, включая экономку, расплылись в блаженных улыбках, и готовы для него на все. Что это, какая-то магия?

– Леди Бернстоф, – коротко поклонился незнакомец, а у меня снова перехватило дыхание от того, каким горячим и сильным ощущалось его присутствие.

Если Давенпорт казался холодной ледышкой, способной заморозить все вокруг, то желтоглазый гость напоминал огонь, который мог как согреть, так и сжечь дотла.

Я только молча кивнула, не зная, как в этом обществе принято приветствовать незнакомцев, но тот уже забыл обо мне, и обратился к Давенпорту.

– Рэн, поехали, ты должен сам это увидеть, – сверкая глазами, сказал он. – Вернсдорф поет, как соловей, торопится сдать своих поделщиков. Я уверен, в этот раз мы на верном пути.

– Лукас, не здесь, – предупреждая посмотрел на гостя Давенпорт, и его лицо стало еще более замкнутым и холодным, но на короткий миг мне показалось, что это всего лишь маска, за которой скрывается совсем другой облик. – Изабелла, – опекун повернулся ко мне. – Будет лучше, если ты поднимешься наверх, и отдохнешь. Олаф тебе поможет. Присси, – поманил он камеристку, – оставайся с госпожой, и не отходи от ее двери ни на шаг.

– Слушаюсь, милорд, – пискнула Присси, и уставилась на свои туфли.

– Олаф, чего ты ждешь? Помогите леди Изабелле.

Рыжий с готовностью ухватился за спинку кресла, и я даже слова сказать не успела, как оказалась в холле у лестницы.

– Давайте, миледи, представьте, что поднимаетесь по ступенькам.

Понятно. Опекун хочет быть уверен, что его подопечная тихо коротает вечер в своей комнате, и не путается под ногами у слуг, задавая неудобные вопросы. Что ж, ладно. Сегодня сыграем по его правилам. Да и устала я, что скрывать? Тело Беллы оказалось слишком изнеженным, и не готовым даже к самой простой нагрузке, мне с трудом удавалось держать спину прямо.

– Не бойтесь, миледи, – подбодрил меня Олаф.

Я закрыла глаза и представила, как поднимаюсь по лестнице, и вскоре уже оказалась на втором этаже.

Двери спальни открылись и захлопнулись за моей спиной, отрезая все, что происходило внизу, а Присси неподвижным изваянием застыла за ними, дословно выполняя распоряжение Давенпорта.

Глава 2

За окнами стемнело. Снег все валил и валил, наметая за высокими деревянными рамами настоящие сугробы. Я лежала в тишине огромной спальни и прислушивалась к звукам дома. Где-то внизу хлопали двери. Под чьими-то шагами протяжно скрипела лестница. В изразцовом камине тихо потрескивали дрова, а на полу перед ним плясали таинственные желтые блики.

Усталость брала свое. Я чувствовала себя выжатой, как после долгой тренировки в спортзале. Еще и невозможность повернуться на бок раздражала. Никогда не умела спать на спине.

Вздохнув, закинула руки за голову и уставилась на балдахин. В душу пробралась тоска. Весь день я пыталась бодриться, но сейчас, в темноте спальни, слишком явно ощутила свое одиночество в этом чужом и непонятном мире.

«Не кисни, Динка. Рано или поздно ты сумеешь встать на ноги».

А если нет? Что, если этот паралич необратим?

«Перестань думать о плохом. Ты же никогда не сдавалась. И сейчас не сдашься. К тому же, Давенпорт сказал, что надежда есть».

Ага. А вдруг он просто хотел меня утешить? Что, если я так и останусь навсегда в этом старом доме с двумя неподвижными колодами вместо ног?

– Слышь, Присси, а правду говорят, что леди наша умом тронулась? – вклинился в мои размышления чей-то еле слышный голос.

Доносился он из-за неплотно прикрытой двери.

– Не знаю, Роза, – громким шепотом ответила горничная. – Странная она, сама на себя не похожа. И говорит чудно. Как вроде и не леди Изабелла. И не помнит никого. Смотрит на меня и не узнает. И лорда Давенпорта не признала. И лорда Хольма.

– Так ведь, считай, целых две седмицы за Гранью была, – в интонациях Розы послышался страх, перемешанный с жадным любопытством. – Говорят, кто больше суток на том свете провёл, уже никогда прежним не будет.

– Вот и я про то. Ты глаза ее видела? Разве ж раньше они такие были? Я в комнату как вошла, да как леди на меня уставилась, так я чуть со страху не померла. А улыбка? Правду старуха Гризельда говорила, из-за Грани все другими возвращаются.

– И бледная! Чисто привидение.

– Ох, боюсь я, Роза. Ну, как не госпожа наша в комнате, а злой дух? А они ночью в самую силу входят. Вот поднимется с постели и пойдет по дому всех убивать.

– Так ведь у нее ноги не ходят!

– Это у леди ноги не ходят, а духу все под силу. Он и ходить, и летать может. И никто его не остановит.

– А тер Келд что говорит?

– А что он скажет, коли лорд Давенпорт ему такие деньжищи платит?

– И то верно, – вздохнула Роза, и за дверью стало тихо.

Я поморщилась. Теперь понятно, почему Присси так себя ведет. Она просто до смерти меня боится. Да и не она одна. Неприятное открытие. И как прикажете жить в окружении всеобщего страха? Еще и улыбка моя им не нравится. Интересно, почему?

– Слышь, Присси, а ты что, всю ночь тут сидеть будешь? – спустя несколько минут спросила Роза.

– Лорд Давенпорт велели рядом с миледи быть.

– Ох, бедная! Ты смотри, если что – кричи громче, я мигом на помощь прибегу.

– Уходишь?

– Да. Эльза велела белье для стирки собрать. Вот же карга старая, ни днем, ни ночью от нее покоя нет!

Роза пробормотала что-то еще, но я не смогла разобрать ни слова, а вскоре в коридоре послышались удаляющиеся шаги.

Я с трудом приподнялась на постели, неловко подоткнула подушку под спину и уставилась на потрескивающие в камине угли. Выходит, слуги считают меня то ли сумасшедшей, то ли пришедшим из-за Грани злым духом. Оба варианта, если честно, так себе.

Взгляд упал на тонкие руки, безжизненно лежащие на шелке покрывала. Какие же они чужие... И все вокруг чужое – дом, люди, обстановка, жизнь. Кстати, о людях. Что, если кто-то из жителей этого странного домика решит от меня избавиться? Судя по тому, что я видела, слуги тут довольно суеверны. Вдруг они захотят уничтожить «злого духа»? Как обезопасить себя от их страхов? Что сделать, чтобы прислуга поверила, что я не опасна?

Присси за дверью громко вздохнула и принялась что-то бормотать. Молитву, наверное. И как заставить глупую девчущку успокоиться?

– Присси!

Голос прозвучал непривычно хрипло, и я откашлялась.

– Миледи?

Служанка возникла в проеме и уставилась на меня настороженным взглядом.

– Иди отдыхать, ты мне до утра не понадобишься.

– Но лорд Давенпорт велели быть рядом с вами, миледи.

– Собираешься всю ночь просидеть под дверью? Иди к себе и ложись спать. Это приказ.

Присси переступила с ноги на ногу, подумала немного, а потом стиснула руки и присела в коротком реверансе. Или это был книксен? Никогда не понимала, чем одно отличается от другого.

– Доброй ночи, миледи, – покорно пробормотала служанка и выскользнула за дверь.

Что ж, от одной проблемы избавилась.

Я еще долго смотрела на обманчивую игру света в отблесках камина, и размышляла о положении, в котором оказалась. И поняла, что обязана справиться со всем, что происходит. Ничего другого мне просто не остается.

«Прорвемся, Динка. Где наша не пропадала?»

Усталость брала свое. День выдался чересчур волнительным. Веки потяжелели, но на самой грани между сном и явью я вдруг услышала странный звук. Он доносился откуда-то сбоку, из-за шкафа. То ли тихий скрежет, то ли царапанье. В душу пробрался страх. Неужели местное привидение шалит?

Звук повторился снова. Казалось, кто-то скребет по стене когтями, тихо, еле слышно, но так жутко, что меня холодный пот прошиб.

– Кто здесь?

Я смотрела на громоздкий шкаф и пыталась понять, откуда идет непонятный скрежет, а тот стал громче, и вскоре к нему добавился тихий монотонный вой. Ну точно, привидение.

– Кто ты?

Вой стал громче. В нем отчетливо слышались жалобные нотки.

– Тебя кто-то обидел?

Протяжный звук захлебнулся на высоком пронзительном «у-ии», и в спальне стало тихо.

– Эй? Ты еще здесь?

Я настороженно прислушалась. Интересно, что это? Может, какой-нибудь неупокоенный дух бродит по дому в поисках тепла и сочувствия? Ведь если в этом мире есть магия, то наверняка и привидения имеются? Или кто-то из слуг решил меня напугать, устроив этот концерт? В любом случае, придется разбираться.

Я подтянула кресло и попробовала приподняться, но руки дрогнули. Тело Беллы оказалось слишком слабым. Интересно, сколько усилий понадобится, чтобы привести его в нормальную форму? Перед глазами мелькнули тренажеры фитнес-центра, в котором мы с подру-

гой занимались последние два года, я крепко сцепила зубы и повторила попытку. Дыхание сбилось. Ноги были слишком тяжелыми, и мне никак не удавалось оторвать их от кровати.

Я откинулась на подушки и попыталась отдышаться, но сердце колотилось так быстро, что не давало вздохнуть. Пес бы побрал этих изнеженных барышень! Толку иметь средство передвижения, если не иметь возможности самостоятельно им пользоваться?

Взгляд застыл на кожаном сиденье. Я со злостью ударила ладонью по одеялу и тихо выругалась.

– Давай, тряпка. Соберись, – приказала себе, рассматривая коляску почти так же, как глядела когда-то на стену скалодрома, которую мне нужно было покорить.

Ничего. Тогда не сдалась, и сейчас не отступлю. Я подтянула коляску ближе, развернула ее с помощью рычажка, а потом резко перекинула тело на сиденье и выдохнула. В глазах потемнело. На лбу выступила холодная испарина, руки мелко дрожали, но внутри все просто пело от счастья. Я сделала это. Справилась. Смогла.

– Ничего. Дальше будет легче, – утешила себя, а потом взяла с тумбочки горящую свечу и подъехала к шкафу. – Ну что? Кто тут у нас такой голосистый?

Дверцы открылись с противным скрипом, темное нутро пахло лавандой, и я уставилась на заполняющую шкаф одежду. Платья, платья, платья... Неужели Белла не носила ничего другого? Где блузки, костюмы, жакеты?

Я наклонилась ближе, отодвинула вещи в сторону, и попыталась нащупать заднюю стенку. Та оказалась сплошной, без швов и щелей. Выходит, искать нужно не здесь. Может, в комнате есть потайной ход? Я закрыла дверцы и медленно поехала вдоль стен, простукивая их и прислушиваясь к раздающимся глухим звукам. Нет. Никакого тайного хода. Взгляд снова зацепился за шкаф. Как бы его отодвинуть? Сама я не справлюсь, но и просить кого-то слишком рискованно. Как объяснить слугам, зачем мне это нужно?

Хотя, если подумать, причину найти несложно.

Я снова посмотрела на шкаф. А уже спустя пару минут улыбнулась и облегченно выдохнула. Что ж, предлог найден, осталось только дождаться рассвета и позвать парочку работников.

– Леди Изабелла, темного утра.

Присси опустила на столик поднос с завтраком, и шустро раздвинула шторы. В комнату хлынул яркий солнечный свет, а я посмотрела на засверкавший позолоченными завитушками туалетный столик, и задумалась. Странное приветствие. Помнится, Хольм поздоровался также. У них тут что, черная магия в почете? Непонятно. Нужно срочно найти какие-нибудь книги по истории этого мира, и все выяснить. Вчера я слишком устала, пытаюсь приноровиться к слабому телу и к окружающей действительности, но сегодня пришла пора узнать, куда меня забросила судьба, и познакомиться с особенностями новой родины.

– Темного, – неопределенно пробормотала вслух, наблюдая, как служанка достает из-под кровати судно.

Все-таки ужасно неудобное это дело, внезапно оказаться инвалидом, и зависеть от чужой помощи в самых интимных вещах. «Ничего. Это временно, – постаралась сказать себе как можно тверже. – Рано или поздно я встану на ноги, а пока нужно просто потерпеть».

– Миледи.

Служанка помогла мне совершить необходимые утренние процедуры, и застыла рядом с кроватью в ожидании указаний. Правда, выглядела по-прежнему настороженной, и избегала смотреть в глаза.

– Присси, подкати кресло.

Горничная опасливо покосилась в мою сторону, но просьбу выполнила.

– Подстрахуешь?

Я приподнялась, а Присси обхватила меня за талию и помогла перебраться на сиденье. Новенькая черная кожа отчетливо скрипнула. Я поправила ноги, поставив их на подножку, нажала рычажок, и покатила к неприметной дверце. Как и предполагала, за ней оказалась умывальня.

Внутри было светло и просторно. Под потолком плавали магические светильники, за небольшой перегородкой виднелся старомодный ватерклозет, мраморная раковина повторяла форму стоящей у стены ванны, а на массивных бронзовых крючках висели длинные пушистые полотенца. Ничего не скажешь, комфортно.

Я подъехала к раковине и нажала кнопку висящего над ней нагревателя. Тот деловито загудел, пару раз фыркнул, и из крана потекла теплая вода. Она наполнила ладони, а я смотрела на прозрачную струю, и не могла справиться с ощущением неправильности происходящего. Возможно, если бы меня перенесло в этот неведомый мир в собственном теле, мне было бы легче принять перемены, но то, что я теперь не я, а хрупкая, болезненная Изабелла, чертовски выводило из себя. Ну правда! Нас даже сравнивать бесполезно: смуглая, спортивная, коротко стриженная брюнетка и нежная, похожая на дорогую фарфоровую куклу, длинноволосая блондинка. Полные противоположности. И характерами, судя по всему, тоже. А отсюда возникает вопрос. Стоит ли притворяться нежной фиалкой Беллой, или лучше быть собой?

– Миледи, вам помочь?

Голос Присси заставил меня очнуться и отложить размышления на потом.

– Нет, я справлюсь, – ответила служанке, а потом быстро умылась и вернулась в комнату. Пора было начинать осваиваться в новом мире.

– Присси, в доме есть библиотека? – устроившись за столом, спросила у горничной.

– Да, миледи.

Присси наполнила чашку чаем и сняла крышку с большого круглого блюда. В комнате запахло свежей сдобой.

Я окинула взглядом румяные булочки, лежащие на тарелке, и почувствовала, как рот наполнился голодной слюной. Хотя, чему тут удивляться? Вчера ведь толком так и не поела. Не считать же едой ту размазню, которой меня пытались накормить?

Выпечка оказалась невероятно вкусной. Куда там нашим современным пекарням! Я быстро умяла одну булочку, с сожалением покосилась на оставшиеся, и заставила себя остановиться. Не стоит увлекаться. А то, не успею опомниться, как сама превращусь в сдобную плюшку.

Я посмотрела на Присси и спросила:

– Принесешь мне какие-нибудь книги по истории Дартштейна?

– Простите, миледи, я не могу, – замялась девчушка, и острые углы ее странного чепца дрогнули.

– Почему?

Служанка стиснула руки, зыркнула исподлобья, и ничего не ответила. А до меня медленно дошло.

– Подожди, ты не умеешь читать?

Горничная кивнула, и ее щеки густо порозовели.

– Ладно. Хорошо, я потом сама спущусь. Поможешь мне одеться?

Мне хотелось как-то сгладить собственную бестактность, и я поторопилась перевести разговор.

– Какое платье желаете надеть, миледи?

– Что-нибудь простое, и без рюшечек.

Ни к чему мне пока все эти романтические финтифлюшки. В них чувствуешь себя слишком уязвимой. Сейчас бы привычные джинсы и футболку...

Присси достала из шкафа светло-голубое платье с высоким воротником-стойкой, и помогла мне одеться. Получилось у нее так ловко, что я и опомниться не успела, как уже любовалась собственным отражением в небольшом зеркале. Что и говорить, нежный оттенок удивительно шел блондинке Белле. А вот я прежняя выглядела бы в этом небесном платье бледной немочью. Моя «цыганистая» внешность требовала большей контрастности. Да и душа тоже, чего там лукавить? Мне нравились яркие, жизнерадостные оттенки – красный, малиновый, желтый, зеленый. В общем, самые попугайные цвета, как любила говорить тетя Фима.

– Что-нибудь еще, миледи?

Присси потупилась, стиснула руки и спрятала их под фартук, но я успела заметить, как побелели костяшки ее пальцев. Неужели так сильно боится?

– Пока можешь быть свободна. Да, и чуть позже позови слуг, нужно будет передвинуть шкаф.

– Хорошо, миледи, я все сделаю, – быстро закивала служанка. – Если что-то нужно, вы только скажите.

– Хорошо. Договорились.

Я улыбнулась и оставила недопитую чашку. Не знаю, как Белла, а я не очень любила чай. Вот кофе – другое дело. С ним мир по утрам казался не таким неприветливым, и жизнь расцветала яркими красками. Все бы отдала за маленькую чашечку эспresso!

Присси шустро выскользнула за дверь, а я подождала, пока стихнут торопливые шаги, и подъехала к шкафу.

– Что же с тобой не так? – задумчиво пробормотала вслух и снова вспомнила тетю Фиму.

Та постоянно беседовала то с духами, то с трансцендентными сущностями, то еще с какой-то неведомой «живностью». Неужели и я пошла по ее стопам?

– Да нет, не может быть. Просто у меня форс-мажор, а поговорить, кроме как с собой, не с кем. И доверять никому нельзя, – пробормотала все так же вслух, а потом открыла дверцы шкафа и внимательно, миллиметр за миллиметром, осмотрела его внутренности.

Обычное дерево, никаких потайных плашек или выдвижающихся досок. Все прибито крепко и добротно. Скорее всего, искать нужно не в шкафу, а за ним. Я рассматривала шкаф, а сама машинально перебирала висящие на плечиках платья. Почти все – светлые, длинные, с нежной вышивкой и высокими воротниками. Неужели мне придется это носить?

Не успела так подумать, как в дверь коротко постучали, и на пороге появилась Присси, а за ней переминались с ноги на ногу вчерашние слуги – высокий и худой, как палка, истопник Карл, и маленький, похожий на шар для боулинга дворовый работник Ульрих.

– Темного дня, миледи, – грустно поздоровался Карл, и на его длинном усатом лице застыло страдальческое выражение.

– Доброго здоровьичка, миледи, – жизнерадостно пропищал шарообразный Ульрих и растянул губы в щербатой улыбке. – Говорят, у вас для нас работенка есть?

Улыбка стала еще шире, обнажив отсутствие двух передних зубов.

Ты гляди, какой оптимист. Прямо готов к труду и обороне.

– Есть, – кивнула в ответ.

Я старалась говорить тихо и мягко, правда, уверенности, что это придает мне сходство с настоящей Беллой, не было.

– Хочу передвинуть шкаф подальше от камина. Боюсь, рассохнется от постоянных перепадов температуры, всю ночь потрескивал, спать мешал.

– Это мы мигом, миледи, – бодро ответил Ульрих, и подтолкнул в бок унылого Карла. – Ну-ка, бери с той стороны, – велел он товарищу.

Карл молча подчинился, но усы его поникли еще печальнее.

– Давай, – пропыхтел Ульрих, наваливаясь на шкаф.

Громоздкая мебель скрипнула, медленно поддалась, и вскоре я уже могла видеть более яркое пятно на обоях, оставшееся там, где до этого стоял шкаф.

– Тяжелый, – прокричал Ульрих, а Карл только вздохнул, и сильнее уперся в пол ногами.

– Так достаточно, – остановила я помощников и улыбнулась им со всей возможной приветливостью.

Вот только моя улыбка вызвала совсем неожиданный эффект. Слуги переглянулись, заметно побледнели, и попятились.

– Ежели мы вам больше не нужны, так мы пойдем, миледи? – спросил Ульрих.

Голос его слегка дрожал.

– Да, можете идти.

Я не понимала, что с ними не так, но не хотела тратить время на выяснения. Внутри все горело от желания осмотреть стену и понять, есть там потайной ход или нет.

– Темного дня, миледи.

Слуги попятились к двери и исчезли за ее створками так быстро, что я и моргнуть не успела. Спрашивается, и чего испугались? Неужели тоже считают меня злым духом? Мракобесие какое-то. Я подъехала к освободившемуся участку стены и провела ладонью по яркому пятну обоев. Медленно, сантиметр за сантиметром. И вскоре мои пальцы наткнулись на характерную неровность. Кладка была неоднородной, на гладкой поверхности отчетливо прощупывался небольшой квадрат. Значит, это и есть тайный ход?

Рядом со стеной вдруг мелькнуло расплывчатое белое пятно, и по плечам потянуло холодком. Что за странности такие? Я потерла глаза и присмотрелась внимательнее. Да нет, никакого пятна. А сквозняк... Наверное, рамы в окнах неплотно подогнаны.

Я обвела пальцем контур предполагаемого тайника, и задумалась. Как выяснить, что скрывается внутри, не вызывая подозрений? Может, ремонт затеять? А что? Этому домику не помешает основательная встряска. Да и слугам некогда будет всякой ерундой страдать, пусть лучше делом займутся. Надо только выяснить, есть ли у меня необходимые средства.

Ответ на этот вопрос я получила уже вечером, во время визита Давенпорта. Сегодня опекун казался еще более сухим и чопорным, чем до этого, хотя, казалось бы, куда уж больше? Длинное породистое лицо выглядело холодным, непроницаемый взгляд напоминал гляцевую поверхность зеркала, отражая все, что происходит снаружи, но надежно скрывая то, что таится внутри. Твердо сжатые губы, довольно красивые, если бы не слишком непрístupные складки в их уголках, надежно скрывали тайны, а густые ровные брови низко нависали над глубоко посаженными глазами, и прятали мысли и чувства, отражающиеся в их темноте.

Сейчас, сидя напротив Давенпорта, я впервые смогла внимательно рассмотреть его внешность. Вчера как-то не до того было. Так вот, если убрать высокомерное выражение, то Давенпорта можно было бы назвать довольно красивым мужчиной. Но его красота казалась слишком холодной и безжизненной. «Селедка замороженная» – вспомнились мне слова тети Фимы об одном нашем общем знакомом. Давенпорту это определение подходило идеально.

– Белла, объясни, откуда такой интерес к деньгам?

Давенпорт сидел прямо, не опираясь на спинку кресла, и смотрел на меня немного снисходительно, как на неразумного ребенка.

– Ну, я ведь должна знать, на что могу рассчитывать. И вообще, мне хотелось бы ознакомиться с делами, понять, что оставила тетюшка.

– Раньше тебя не интересовали подобные вопросы, – в голосе Давенпорта прозвучало недоумение, а ровная линия его бровей дрогнула, сломалась, поползла вверх.

– Это было раньше, – мило улыбнулась в ответ. – А теперь – интересуют.

– Странно, – тихо пробормотал опекун, и в его темных глазах мелькнул отблеск удивления. Всего лишь отблеск, но он оживил бесстрастное лицо, придав опекуну более человеческий вид. – Такие перемены...

Давенпорт нахмурился. Он смотрел на меня и молчал, обдумывая мою просьбу, а я продолжала улыбаться, чувствуя, как от напряжения сводит скулы. Все-таки ужасно глупо в моем возрасте оказаться в положении несмысленщика, не имеющего права распоряжаться ни собой, ни деньгами. И вряд ли я долго выдержу навязанную судьбой роль. Вопрос только в том, чем мне грозит разоблачение? Вряд ли «опекун» обрадуется тому, что тело его подопечной захватила какая-то непонятная девица. А учитывая, кем он работает... Нет, лучше пока не рисковать. Но, с другой стороны, мне же нужно как-то устроиться в новом мире? А как это сделать, если меня вынуждают принять навязанные правила игры?

– Что ж, хорошо, – придя к какому-то мнению, медленно произнес Давенпорт. – Я попрошу Доуэна подготовить отчет.

Ага. И пройдет еще неделя-другая, прежде чем я этот отчет увижу. Нет уж. Будь что будет!

– А вы можете на словах обрисовать ситуацию? – мило улыбнулась опекуну. – Я хотела бы заняться ремонтом особняка, и должна понимать, на что рассчитывать.

– Ремонт? – переспросил Давенпорт, и в его глазах мелькнуло недоумение.

– Ну да. Разве можно жить в этой лавке старьевщика?

Нет, по большому счету, меня мало волновала обстановка чужого дома. Но как еще, если не ремонтом, объяснить свое желание разрушить стену в спальне?

Давенпорт молчал. Смотрел на меня и молчал, а я чувствовала себя все неуютнее под его испытующим взглядом. «Все нормально. Все хорошо. Я – леди Изабелла Бернстоф, меня не нужно ни в чем подозревать», – безмолвно твердила я, пытаюсь внушить эту мысль опекуну, вот только уверенности, что мое внушение сработает, не было.

– Белла, вряд ли это желание можно назвать разумным, – сказал, наконец, Давенпорт, а мне захотелось выругаться.

Ну почему с ним так сложно?! Если на каждый пустяк придется брать разрешение этой ледышки, долго я не выдержу. Кто бы знал, как трудно притворяться нежным цветочком Беллой!

Я заставила себя сосчитать до десяти, а потом невинно поинтересовалась:

– Почему?

– Ты еще недостаточно оправилась после падения. Тебе нужен покой.

– Но я прекрасно себя чувствую.

– Разве?

Многозначительный взгляд темных глаз остановился на моих ногах.

– Да, – немного резче, чем хотелось бы, ответила я.

Не нужно напоминать о моей беспомощности. Она временная. И однажды я обязательно смогу ходить. По-другому и быть не может.

– Что ж, денег у тебя достаточно. Хватит на долгую безбедную жизнь, – после паузы сказал Давенпорт, но не успела я обрадоваться, как он добавил тоном, не терпящим возражений. – Однако в данный момент я не вижу никакой необходимости в ремонте.

Вот как? Это еще почему?

Внутри вскипало раздражение. С какой стати этот чужой и равнодушный человек решает, что мне можно, а чего нельзя? С малых лет я привыкла сама управлять своей жизнью. Еще и тетю Фиму, с ее поразительной непрактичностью, на себе тянула. А тут – пожалуйста! Какой-то иномирный лорд диктует мне, как жить.

При воспоминании о тетушке в душе шевельнулась тоска. Урода, сбившего тетю Фиму на пешеходном переходе, так и не нашли – ни полиция, ни частный детектив, которого я наняла по наводке подружки Таньки. «Безнадежное дело, – через пару месяцев поисков заявил мне бывший мент, занимающийся сыском. – Уверен, тачка краденная, и, скорее всего, ее уже давно на запчасти разобрали». И он посоветовал забыть о мести, и жить дальше. Если бы это было так просто! Стоило представить, что урод, убивший тетю Фиму, спокойно наслаждается жизнью, как меня начинало трясти. И хотелось кричать от бессилия. Тетя Фима, она же была как ребенок. Никогда никому слова плохого не сказала, всем верила, постоянно кому-то помогала. Сколько раз я свою «святую простоту» из всяких передраг вытаскивала! То ей акции несуществующего завода втюхать пытались, то пожертвования на тибетский ашрам выманивали, то экстрасенс Гоша сеанс общения с загробным миром устроил, содрал с тетушки кругленькую сумму. Хорошо, что я вовремя из отпуска вернулась. Деньги у проходимца забрала, а его самого с лестницы спустила. А тетя Фима только вздыхала и говорила, что у Гоши очень просветленная аура, и он просто не способен кого-либо обмануть.

Я с трудом заставила себя отвлечься от прошлого, и твердо посмотрела в холодные глаза опекуна.

– Вы уверены, что в ремонте нет необходимости? Это ведь не вам приходится жить в окружении... старых вещей.

Я в последний момент заменила слово рухлядь на более нейтральное, и обвела рукой плотно заставленный кабинет.

– Половину из которых, между прочим, давно пора выкинуть. И вообще, я могу сама решить, что мне делать.

– Не можешь, – процедил опекун, заставив меня поперхнуться от возмущения.

– Что?

– Ты вольна распоряжаться только ежемесячной суммой содержания, и не более того. На любые крупные траты необходимо согласие опекуна, а я его не дам.

– Но почему?

– Потому что это неразумно.

Да что ж такое-то! Я с трудом сдержала рвущиеся с языка ругательства.

– И какова сумма моего содержания? – постаравшись взять себя в руки, невинно поинтересовалась у опекуна.

– Двести ронов, – ответил тот, и поднялся из-за стола.

На идеально отглаженном костюме не осталось ни одного залома, ни единой складочки. Темно-синее, почти черное сукно плотно облегло прямые плечи и ровную спину, длинный ряд застегнутых пуговиц придавал сюртуку форменный вид.

– Тебе пора отдыхать, – сухо произнес Давенпорт.

Он подошел ко мне, взялся за спинку кресла и покатил его к дверям.

– Но мы не договорили!

– Разговор окончен, Изабелла, – твердо произнес опекун и выкатил кресло в коридор. – И возвращаться к нему мы не будем.

– Получается, мое мнение ничего не значит? – тихо спросила я, хотя больше всего на свете мне хотелось громко выругаться и послать Давенпорта по известному каждому русскому человеку маршруту.

– Белла, ты слишком юна и неопытна, и совсем не представляешь тягот жизни, – голос опекуна зазвучал чуть мягче. – Поверь, я знаю, что для тебя будет лучше.

Ну-ну. Значит, сиди, девочка, и не рыпайся, взрослый дядя все за тебя решит. Что ж, это он зря. Я не Белла. И не собираюсь покорно подчиняться чужой воле.

– Сколько мне осталось до совершеннолетия?

Я сжала подлокотники кресла, уговаривая себя не заводиться.

– Три года.

– Так долго?!

Я все-таки выругалась на великом и могучем. Да что ж такое-то! Столько я точно не выдержу!

– Что ты сказала? – переспросил Давенпорт и остановился.

– Не обращайтесь внимания. Старый диалект. Скажите, а сколько мне сейчас?

– Ты действительно не помнишь? – в глазах опекуна мелькнуло сомнение. – Месяц назад исполнилось семнадцать.

Кошмар. Совсем ребенок. Глупый, как думает Давенпорт, и капризный ребенок. И что теперь делать? При всем желании мне не удастся долго притворяться юной наивной девочкой. Да у меня уже не получается. Что ни слово – то прокол, что ни попытка пообщаться с местными – то сплошные подозрения с их стороны. Но что делать, если мы с Беллой такие разные? Да я даже в ее возрасте не была наивным тепличным цветочком. Жизнь с тетей Фимой заставила меня рано повзрослеть, и взять на себя обязанности по устройству нашей жизни. Тетушка была очень доброй, но совершенно не практичной. Могла закупить на последние деньги экзотических фруктов или икры, а то и торт какой-нибудь дорожный прихватить. «Мне так хотелось тебя порадовать», – расстроено говорила она, когда оказывалось, что до ее зарплаты осталась еще неделя, а деньги уже закончились. Так что в четырнадцать лет я забрала у тети Фимы «бразды правления», и сама вела наш бюджет. А в пятнадцать уже обшивала знакомых, с легкостью освоив пылившуюся в шкафу швейную машинку. «Хорошо, что ты такая практичная, Диночка, – вздыхала тетя Фима. – Я бы без тебя точно пропала». И при этом она забывала о том, что без нее пропала бы я. Не знаю, что со мной было бы, не появись тетя Фима в Томске.

Впрочем, сейчас об этом лучше не думать, а то я расклеюсь. А мне нужно быть собранной и спокойной, как никогда. Но как прикажете быть спокойной, когда тут такое творится?

– Ужас какой-то, – расстроено прошептала я, но Давенпорт услышал.

– И что тебя так печалило? – холодно уточнил он.

– Да так, ничего.

Мне не хотелось говорить о своих чувствах. Нет, я понимала, что Белла молода, но семнадцать... Это уже совсем ни в какие ворота. Я думала, ей хотя бы восемнадцать есть. Или девятнадцать. А тут – ребенок. Теперь понятно, почему Давенпорт так ко мне относится.

– Я хочу подняться к себе.

Я посмотрела на опекуна Изабеллы. В его глазах застыло выражение, которое мне совсем не понравилось. Казалось, Давенпорт чем-то озадачен.

– Я помогу, – спустя пару секунд сказал он, и его взгляд снова стал непроницаемым.

– Не нужно. Спасибо, что уделите мне время, но я не хочу вас задерживать.

Я вскинула голову и нажала на рычажок, направляя кресло в сторону лестницы. Внутри бурлило возмущение, и я боялась, что еще немного – и оно прорвется наружу.

– Белла, ты уверена, что с тобой все в порядке? – не отставал Давенпорт.

Он шел следом, и я никак не могла избавиться от его присутствия. А хотелось.

– Да, благодарю, не беспокойтесь.

Не знаю, откуда в моей памяти всплыли нужные вежливые выражения, но появились они весьма своевременно. Не иначе, злость помогла.

Я еще раз нажала на рычажок, под креслом поплыли ступени лестницы, и опекун, наконец, отстал. Он взялся за перила, собираясь подняться следом, но в последний момент передумал.

– Завтра утром я зайду, – донеслись до меня его слова.

– Не нужно. Не тратьте на меня свое драгоценное время.

Разумеется, мне хотелось сказать все это совсем другими словами, но толку с того? Разве это что-то изменит? Нет. Только вызовет ненужные подозрения. Ох, как же мне не хватало

знаний об этом мире, и о том, какой была Изабелла Бернстоф! И ведь спросить толком не у кого. Половина слуг меня боится, вторая половина тут же побежит доносить опекуну. Может, попробовать поговорить с Розой? Она не показалась мне излишне пугливой.

– До свидания, лорд Давенпорт, – оказавшись на площадке между пролетами, обернулась к опекуну. – Хорошего вам дня.

И это были последние вежливые слова, которые я сумела из себя выдавить. Стоило оказаться в комнате, как я скинула с плеч надоевшую шаль и минут пять от души рассказывала, где я видела заботу опекуна, и его самого в придачу.

И только выговорившись, сумела успокоиться и подумать, что делать дальше. А потом спустилась вниз, в библиотеку, осмотрелась, выбрала несколько книг по истории Дартштейна, и вернулась к себе.

– Ну-ка, посмотрим, – пробормотала, открывая первый том. – Куда именно закинула меня судьба? Надеюсь, тут найдутся нужные ответы.

Что ж, чутье не подвело. В трех толстых красочных фолиантах, которые я выбрала из множества других, было все, что мне хотелось узнать о новой родине. И даже больше.

Листы мелькали один за другим, факты откладывались в голове, привычно разделяясь на важные и не очень, и устройство нового мира переставало быть тайной, выстраиваясь в четкую схему. И чем больше я погружалась в историю страны, тем больше земных аналогий у меня возникало. Дарт-Остенская империя чем-то напоминала Австро-Венгерскую. Помню, в школе я увлекалась историей дореволюционной России, и неплохо разбиралась в мировых событиях тех времен. Так вот, история Дартштейна очень походила на аналогичную земную. В империю входили несколько бывших независимых королевств: Дартштейн, Кроненгауд, Остенбрюге, Уждоль и Вакария. Артакия, в которой жили оборотни, формально тоже принадлежала империи, но там действовали собственные законы и правила. Видимо, волки сумели отстоять свою независимость от власти императора. Да-да, у них тут и император имелся, и канцлер, и Совет. Вот только магия... В жизни дартов ей отводилась главная роль.

Насколько я поняла, высшие государственные посты могли занимать лишь те, кто входил в Первую Когорту магов, ближний круг императора. Иными словами, самые «сильные, смелые, ловкие, умелые». Их отличительной особенностью были темный цвет глаз и личный родовой дар. Дальше шла знать, обладающая менее выраженной магической силой. И так – по убывающей. Чем больше уровень магии – тем больше у тебя возможностей, а чем меньше... Самое жалкое положение было у так называемых пошей, или бездарных. Они ни на что не могли рассчитывать в мире, где всем управляла магия. А определить ее наличие оказалось довольно просто. Все сводилось к цвету глаз. У высших магов они черные, у старой знати – карие, у среднеодаренных схельдов – зеленые, а у пошей – серые или голубые.

Я оторвалась от книги и задумалась. Интересно, а какой уровень дара у Беллы? Судя по зеленым глазам – средний. Но ведь она леди, значит, принадлежит к старой знати, и должна что-то уметь. Вопрос только, что. Как бы это выяснить?

– Абра-кадабра! – тихо произнесла я «детское» заклинание, и сделала шутливый пасс в сторону горящей свечи. Пламя чуть колыхнулось.

Нет, не работает. Нужно что-то посерьезнее. В памяти тут же возникли красочные фильмы о Гарри Поттере, на которые я водила дочку подруги, и с губ слетело «непростительное смертельное заклятие»:

– Авада кедавра!

Ага. Так меня и послушали!

– Остолбеней! – не сдавалась я.

Разумеется, столбенеть никто не спешил, да и свеча горела ровно, так же, как до этого. Потрескивала себе, и не реагировала на мою глупую возню.

– Да вы прям настоящий маг, Динара Витальевна. Только дурацкой островерхой шапки и мантии не хватает.

Я вздохнула и перевернула страницу. Что там дальше? Так, карта империи, королевства, вошедшие в состав Дартштейна после войны, устройство двора, главные дворянские фамилии, законодательные органы и полиция, местные правила и обычаи...

По ногам потянуло сквозняком. Я поехала, накинула на плечи шаль и снова погрузилась в чтение. В углу тихо отсчитывали минуты большие напольные часы, дрова в камине уютно потрескивали, за окнами сыпал снег, а я торопливо листала книгу, совершенно забыв о времени.

Не знаю, что произошло. В какой-то момент шаль соскользнула с моих плеч, я потянулась за ней, а в следующую секунду на моей шее сомкнулись холодные пальцы. Я дернулась, пытаюсь вырваться, но неизвестный оказался проворнее. Он все сильнее сжимал руки, и я уже хрипела, не в силах сделать вдох. Перед глазами поплыли круги, в ушах зазвенело, но внутри вспыхнула злость, не дающая отключиться. Это что же, мало того, что я в своем мире погибла во цвете лет, так еще и здесь меня ждет та же участь?! Ну, нет! Не на ту напали!

Я из последних сил потянулась, нажала на рычажок, кресло дернулось и откатилось к стене, и неизвестный от неожиданности разжал руки.

Так тебе! Знай наших!

Я резко обернулась, но успела увидеть только смазанную тень, а в следующую секунду она растворилась в воздухе и исчезла, как будто ее и не было. Что за чертовщина?

Я потерла ноющее горло и быстро поехала к двери.

– Миледи?

Присси вскочила со стула и растерянно застыла у стены, глядя на меня с привычным испугом.

– Мне нужен лорд Давенпорт, – резко сказала служанке. – Как с ним связаться?

– По переговорнику, миледи, – ответила Присси и опасливо отступила на шаг.

Вот же трусиха. Каждой тени боится.

– И где взять этот переговорник?

– Так он в кабинете стоит.

– Веди.

Горло саднило, и меня хватало только на короткие фразы.

– Слушаюсь, миледи.

Присси взяла со стены похожий на свечу магический светильник и пошла к лестнице.

– Здесь всегда так темно? – глядя на теряющиеся в непроницаемой мгле потолки, спросила у служанки.

– Да, миледи.

– И как вы тут живете? – пробормотала про себя, но Присси услышала.

– Ваша тетушка, леди Летиция, не любила пустое расточительство.

Ага, это теперь так обычная жадность называется. Я иронизировала, но страх, оставшийся после нападения невидимки, никуда не исчез. Он засел внутри, заставляя меня все быстрее и быстрее подгонять магическое кресло. Присси уже почти бежала за мной, громко шурша длинной юбкой.

– Вот, миледи, это он и есть, – запыхавшись, доложила служанка, когда мы оказались в кабинете.

Я посмотрела на прибор, отдаленно напоминающий телефон, и спросила:

– Как он действует?

– Не знаю, миледи, – «обрадовала» меня Присси, растерянно глядя на черный корпус аппарата.

– Что значит, не знаешь? – Я с недоумением уставилась на девчущку. – Ты что, никогда не видела, как им пользуются?

– Видела, – смутилась та. – Но я же не присматривалась.

– Ладно. Попробуй вспомнить, куда нужно говорить?

– Кажется, вот сюда, – подумав, неуверенно сказала Присси.

Она показала рукой на затянутое мембраной отверстие.

– И как это работает?

Я наклонилась над «телефоном» и провела ладонью по гладкому прохладному корпусу.

– Как же тебя включить?

Палец зацепился за незаметную кнопку, а уже в следующую секунду раздался характерный треск.

– Меня кто-нибудь слышит?

Я наклонилась еще ниже, почти к самому отверстию.

– С кем вас соединить, леди Бернстоф? – раздался приятный женский голос.

– С лордом Давенпортом.

– Рейли-роу, двадцать семь дробь два? – деловито уточнила невидимая телефонистка.

Я посмотрела на Присси, и та кивнула.

– Да, будьте добры.

– Соединяю.

В мембране опять послышался треск, и спустя пару секунд раздался чопорный мужской голос.

– Особняк лорда Давенпорта, чем могу служить?

– Мне нужен лорд Давенпорт. Скажите, что звонит его... подопечная, – я с трудом подобрала нужное слово, – леди Бернстоф.

– Темного вечера, леди Бернстоф. К сожалению, лорда Давенпорта сейчас нет дома.

– А когда будет?

– Не могу знать, миледи.

– Пожалуйста, это очень важно. Как только он придет, передайте, что мне нужно срочно его увидеть. Это вопрос жизни и смерти.

– Я передам, миледи, – невозмутимо ответил дворецкий.

Я почему-то была уверена, что это именно дворецкий, причем, похожий на своего хозяина и манерой речи, и холодной невозмутимостью.

– Что-нибудь еще, миледи?

– Нет. Я буду ждать.

– Темной ночи, миледи, – попрощался дворецкий, и аппарат снова захрипел, а потом затих.

Я посмотрела на примолкшую Присси, и вздохнула. Придется нам коротать время вместе. Одна я ночевать точно не смогу.

– Садись, – кивнула служанке на кресло. – Будем ждать лорда Давенпорта.

Присси уставилась на меня растерянным взглядом.

– Ну ты же не собираешься стоять тут полночи? Неизвестно, когда появится мой опекун, так что садись, в ногах правды нет, – сказала любимую поговорку тети Фимы, и вздохнула.

Оказаться бы сейчас дома, в теплом уюте гостиной, устроиться на диване с чашкой кофе и ноутбуком... Эх, мечтать не вредно.

Присси поставила светильник и несмело присела на краешек кресла, а я подперла щеку кулаком и приготовилась ждать опекуна. Вот только его все не было. Я еще несколько раз звонила на Рейли-роу, но дворецкий неизменно отвечал, что лорда Давенпорта нет дома. В

итоге, мы с Присси просидели в кабинете до самого утра, и я поняла, что опекун не придет. Не знаю, где он провел минувшую ночь, но рассчитывать на него больше не стоило.

– Присси, у нас в городе полиция есть?

Я посмотрела на клюющую носом служанку.

– Да, миледи, – встрепенулась та.

– И что, туда может обратиться любой?

– Ну, простолюдинам без дела лучше не соваться, а для благородных вход всегда открыт.

Мне показалось, или Присси способна на иронию?

– Отлично. Значит, сейчас ты поможешь мне привести себя в порядок, и мы отправимся в ближайшее отделение.

– Куда?

– В полицию, Присси. В полицию.

Служанка растерянно моргнула и уставилась на меня с явным недоумением, но мне некогда было объяснять свои намерения. Нет, можно было бы вызвать полицию на дом, но где гарантия, что они приедут? Лучше уж самой, так надежнее. А заодно из дома выберусь и посмотрю, что к чему.

– Идем, – поторопила я девчушку.

– Но до департамента далеко, миледи, – с сомнением протянула Присси. – Почитай, до центра ехать нужно, а вы...

Она не договорила и выразительно покосилась на мои ноги.

– И на чем обычно добираются до центра?

– Так на робусах. Или на мобилях. Тут уж кому что по карману.

– На мобилях, говоришь? Значит, его мы и возьмем. Скажи Петерсону, чтобы остановил свободный.

– Вы уверены, миледи?

– Живее, Присси!

Мне надоели сомнения служанки. Я махнула рукой, подгоняя переминающуюся с ноги на ногу девчушку, и выехала из кабинета.

Глава 3

– Леди, я же вам объясняю, начальник сейчас занят. Давайте, вы расскажете, что случилось, и мы постараемся вам помочь.

Ага. Да я уже битый час пытаюсь рассказать, что случилось, только меня никто и слушать не хочет. Носятся, как угорелые, с кипами бумаг, и даже не думают останавливаться. Не отделение полиции, а форменный дурдом. Это ж надо! Целую толпу у небольшой конторки дежурного собрали, и никому до людей дела нет.

Я посмотрела на переминающихся с ноги на ногу просителей, перевела взгляд на высокого светловолосого парня в форменном кителе, сменившего длинноносого брюнета, которому я до этого пыталась объяснить свое дело, и решительно заявила:

– Вот что, уважаемый, если вы сейчас же не проводите меня к начальнику, я напишу жалобу в вышестоящую инстанцию, и тогда вам точно не поздоровится. Как ваша фамилия?

– Бренсон, – машинально ответил полицейский, и растерянно моргнул смешными белесыми ресницами.

– Присси, ты запомнила?

Я обернулась к застывшей за моим креслом служанке.

– Да, миледи, – закивала та и распрямилась, вытянув худую шею так сильно, что стала казаться выше ростом.

– Тера, вы бы не скандалили, а просто дождались своей очереди. Видите, сколько народу? И каждый хочет поговорить с главой магполиции лично. А у него и так дел невпроворот. Может, вы все-таки расскажете мне, что у вас стряслось? – Бренсон чуть подался вперед, оперся о стойку конторки огромными, похожими на кувалды руками, и с заметной жалостью уставился на мои неподвижные ноги.

А вот это он зря. Не надо меня жалеть. Однажды я обязательно встану с инвалидного кресла, надену самые красивые туфли – а по дороге в отделение я успела разглядеть в витринах местных магазинов довольно неплохие модели, – и пройду по ровным и широким улицам Бреголя. А может, еще и на каком-нибудь местном балу потанцую.

– Петер, что тут у тебя?

Негромкий спокойный голос, раздавшийся за спиной, заставил меня обернуться.

Высокий мужчина в ладной синей форме смотрел на меня с легким прищуром, словно пытался понять, что я за птица такая, а на его худощавом лице ярко выделялись абсолютно черные, почти лишенные белков, глаза. Я даже зависла, вглядываясь в их переливающуюся темноту. Она казалась живой, кипела и плавилась, как горячая смола, а в самой ее глубине тлели тревожные красноватые огоньки.

– Да вот, лорд Каллеман, тера скандалит, обещает жалобу в какую-то настанцию написать, – торопливо доложил Бренсон.

Он резво вытянулся во весь свой немаленький рост, и почти сравнялся с низкими балками потолка.

– Жалобу? – темноволосый чуть приподнял бровь, и вышло это у него на удивление многозначительно. – Леди, вас кто-то обидел? Быть может, мои сотрудники были с вами грубы или невежливы?

Взгляд изменился, стал пристальным и цепким. И я вдруг почувствовала, что мое возмущение куда-то уходит, словно испаряется, а внутри разливается странное спокойствие. На ум тут же пришла прочитанная вчера книга. Ну конечно. Черные глаза. Черные! А это значит, что передо мной – один из сильнейших магов Дартштейна, и сейчас он пытается погасить ненужный скандал. «Ха! Не на ту напали, уважаемый!»

Я повела плечами, стремясь избавиться от навязанного воздействия, и с вызовом посмотрела на лорда.

– Полагаю, вы и есть тот самый начальник полиции, к которому я так безуспешно пытаюсь попасть?

– Да, я глава магполиции, Эрик Каллеман. А вы?..

Мужчина не договорил, предлагая мне представиться.

– Леди Изабелла Бернстоф.

Конечно, сидя в инвалидном кресле трудно выглядеть гордой и уверенной, но я старалась. Голову выше, плечи распрямить, взгляд не отводить.

Похоже, Каллеман понял, что избавиться от меня не получится. Он посмотрел на толпящихся у конторки Свенсона людей, чуть нахмурился и негромко сказал:

– Что ж, леди Бернстоф, предлагаю обсудить все в моем кабинете.

Каллеман указал рукой на коридор, по которому без конца носились служащие, и пошел вперед.

– Присси, подожди меня здесь, – обернулась я к служанке, и та с готовностью закивала.

Судя по тем взглядам, которые девчушка бросала на бравого Бренсона, перспектива остаться в приемной ее не напугала, скорее, наоборот.

– У вас тут всегда так... шумно? – направляя кресло вслед за Каллеманом, спросила я.

– Шумно? – переспросил маг и рассеянно посмотрел по сторонам. – Обычная рабочая обстановка.

Рабочая? Ну-ну. Похоже, об эффективной организации труда тут и не слышали.

Каллеман открыл одну из многочисленных дверей и пропустил меня в большой, на удивление уютный кабинет. Шум и суета остались за дверью.

Я незаметно огляделась. Кожаный диван, два кресла с высокими спинками, внушительный, покрытый зеленым сукном письменный стол, пара портретов на нем, высокие напольные часы, наполняющие комнату равномерным тиканьем, тяжелые темные шторы. Вдоль двух стен расположились шкафы с книгами и картотека. На маленьком круглом столике – коробка с сигарами. Настоящая мужская комната, отражающая характер своего владельца.

– Итак, леди Бернстоф, чем могу помочь?

Каллеман устроился за столом, и мне достался очередной внимательный взгляд.

– Понимаете, меня хотели убить.

Я выпалила эту фразу на одном дыхании и уставилась в нечеловеческие глаза. Бр-р... Ох и взгляд. Так и пробирает до печенок.

– Каким образом?

– Пытались задушить.

– А подробнее?

Я постаралась детально обрисовать произошедшее прошлой ночью. Каллеман слушал, не перебивая. А когда я замолчала, поднялся из-за стола и подошел ко мне.

– Вы позволите?

Взгляд мага остановился на высоком вороте моего платья.

– Да, конечно.

Я расстегнула пару пуговиц.

Каллеман чуть наклонился вперед, уставился на мою шею и нахмурился.

– Говорите, вас хотели задушить?

Я кивнула.

– И нападавший подкрался сзади? – уточнил глава полиции.

Ответить я не успела.

– Что здесь происходит? – послышался от двери знакомый голос, и в кабинете появился Давенпорт. – Каллеман? Изабелла?

Ну вот, не прошло и полгода! Явился. И, как всегда, чем-то недоволен.

– Давенпорт, – выпрямившись, коротко кивнул вошедшему глава полиции.

Надо же, оказывается, мужчины знакомы. Интересно, насколько близко?

– Чем обязан? – сухо спросил Каллеман.

– Я являюсь опекуном леди Бернстоф, – процедил Давенпорт, и глаза его холодно блеснули.

Ага, похоже, особой дружбой тут и не пахнет. Да и знакомство, судя по всему, деловое, если Каллеман не в курсе, что у Давенпорта есть подопечная.

– Потрудитесь объяснить, как леди Бернстоф оказалась в полиции, и почему ее допрашивают в отсутствие законного представителя.

Опекун подошел ближе и положил руки на спинку моего кресла, оказавшись прямо напротив Каллемана. А я застряла между двумя мужчинами, как мышь в мышеловке. Да и чувствовала себя примерно так же. И пока Каллеман и Давенпорт сверлили друг друга взглядами, мне только и оставалось, что переводить глаза с одного на другого, и гадать, что же они не поделили в прошлом.

– Полагаю, произошло недоразумение, – спустя пару минут спокойно сказал Каллеман, и отстранился.

Он обошел стол и сел, рукой указав Давенпорту на свободное кресло.

– Леди Бернстоф никто не допрашивает. Леди сама обратилась к нам с просьбой расследовать совершенное в ее доме нападение.

Давенпорт уже собирался сесть, но на последних словах замер и всем телом резко вернулся ко мне.

– Белла?

В карих глазах плеснулась тревога, а потом они потемнели и налились холодом.

– Что? Я к вам, между прочим, всю ночь пыталась дозвониться. И только утром отправилась в полицию. А что еще мне оставалось делать, когда по дому бродит убийца?

– О каком покушении идет речь? – Давенпорт смотрел, не отрываясь. – Кого пытались убить?

– Меня.

Я вздохнула и непроизвольно коснулась горла, вспомнив боль от рук нападавшего.

– Ты уверена?

Давенпорт нахмурился.

– Более чем. Трудно, знаете ли, не заметить, когда тебя душат.

И я по второму кругу рассказала историю ночного происшествия. Опекун слушал молча, не перебивая. Каллеман тоже не вмешивался, незаметно наблюдая за мной и за Давенпортом. С каждым моим словом лицо опекуна все больше темнело. А когда я замолчала, он внимательно поглядел мне в глаза, нахмурился, обдумывая какую-то мысль, и привычным жестом достал из кармана часы. Правда, открывать их не стал.

– Я пошлю людей осмотреть место происшествия, – нарушил тишину глава полиции.

– Значит, вы мне поможете?

Я с надеждой посмотрела на Каллемана. Не знаю, почему, но я чувствовала к нему необъяснимое доверие. Вопрос только в том, захочет ли он взяться за мое дело? Кто их знает, этих старомодных копов?

– Разумеется, леди Бернстоф, – обрадовал меня Каллеман.

Он оперся локтями о стол, сложил руки домиком и посмотрел поверх них на Давенпорта.

– Сможете обеспечить безопасность подопечной?

– Разумеется, – высокомерно произнес опекун.

Он выглядел еще более холодным и отстраненным, чем обычно. Казалось, пройдет пара минут, и его лицо просто покроется коркой льда.

– Тогда ждите моих людей.

Глава полиции потянул на себя рычажок переговорника и что-то тихо сказал в затрепавшую трубку.

– Я на всякий случай закрыла спальню на ключ и запретила слугам туда входить, – поторопилась предупредить главу полиции.

– Очень предусмотрительно.

Во взгляде Каллемана мелькнул острый интерес, но мне было все равно. Когда речь идет о жизни и смерти, нет никакого желания играть навязанную роль наивной юной глупышки.

– Что ж, нам пора.

Давенпорт убрал часы в карман, поднялся и посмотрел на главу полиции.

– Благодарю за помощь, лорд Каллеман, – сухо сказал опекун и взялся за спинку моего кресла. – Изабелла, мы уходим.

Я буквально кожей почувствовала его недовольство. Интересно, что могло так разозлить невозмутимого обычно Давенпорта? Что ж, гадать бессмысленно, ответ я все равно не узнаю.

– До свидания, лорд Каллеман, спасибо за помощь, – обернувшись, поблагодарила главу полиции, и в этот момент дверь открылась, и в кабинет, уткнувшись в какие-то бумаги, быстро вошла красивая белокурая девушка. Ее длинные волосы были убраны в замысловатую прическу, а синее платье подчеркивало тоненькую талию и казалось очень простым, но за изящными линиями приталенного лифа скрывался довольно сложный крой.

– Эрик, мне нужна твоя подпись, – голос девушки звенел звонким колокольчиком. – Эти шилохвостые снабженцы опять упираются, не хотят отгружать препараты без твоего разрешения.

Она подняла голову, увидела нас и улыбнулась, отчего хорошенькое личико осветилось изнутри теплым, каким-то даже уютным светом, а я поняла, что блондинка, скорее всего, моя ровесница.

– Простите, лорд Каллеман, не знала, что у вас посетители, – торопливо договорила она, отступив в сторону и пропуская нас к выходу.

Уже в дверях я оглянулась и едва не оторопела. Невозмутимый и холодноватый Каллеман выглядел совершенно другим человеком. Его суровое лицо смягчилось, глаза посветлели, почти полностью утерав свою черноту, а на тонких губах появилась улыбка, преобразившая угловатое лицо, и сделавшая его красивым.

– Посетители уже уходят, Эви, – негромко сказал глава полиции, даже не пытаясь скрыть за субординацией то, чего не должны были видеть посторонние. Впрочем, вряд ли он смог бы это скрыть. Уж слишком искрило между этими двумя, казалось, еще немного, и дрова в потухшем камине сами собой загорятся.

Мне аж завидно стало. Бывает же такая любовь! Прямо как в книгах. А вот я еще ни разу ни в кого не влюблялась до беспамятства. Как со Славиком на третьем курсе сошлась, так больше ни на кого и не смотрела, хотя горячей любви между нами не было. Скорее, симпатия, удобство, и привычка. А тут...

– Всего доброго, лорд Каллеман, – поторопилась попрощаться с главой полиции, и Давенпорт выкатил кресло в коридор.

Пока мы не покинули здание, опекун не проронил ни слова. Молчал он и всю дорогу до дома. Сидел на переднем сиденье огромной старомодной машины, словно деревянный истукан, и даже головы не повернул. А вот когда мы оказались в гостинной особняка, Давенпорт пару раз прошел мимо меня, шагая широкими размеренными шагами, а потом остановился напротив и пристально, не мигая, уставился своими холодными глазами.

Мне стало не по себе. Оказывается, это не очень удобно, когда на тебя все время смотрят сверху вниз. Если бы я могла встать и оказаться на равных с этим непонятным мужчиной...

– Белла, расскажи еще раз по порядку, что произошло.

Давенпорт отступил на шаг и наконец-то перестал нависать надо мной и сел в кресло.

– Что именно вы хотите услышать? Что в этом доме есть кто-то, кто желает моей смерти? Или то, что мое недавнее падение, как я подозреваю, вовсе не было случайным?

Я все-таки не смогла сдержать эмоции, и они прорвались наружу.

– Успокойся, Изабелла. Я понимаю, ты расстроена, но постарайся держать себя в руках.

В отличие от меня, опекун оставался невозмутимым, и это неожиданно разозлило. Чурбан бесчувственный! Меня тут едва не убили, а ему все равно.

Одеревеневшую от долгого сидения спину свело болью, но я изо всех сил старалась держаться и не показывать, как мне плохо.

– Тебе прекрасно известно, что юной леди не пристало слишком открыто проявлять свои чувства, – продолжал занудствовать Давенпорт.

– Даже когда юную леди пытаются убить? По-вашему, я должна была тихо сидеть и ждать, пока неизвестный сделает свое дело?

При воспоминании о чужих руках, сдавливающих горло, по коже пробежали мурашки.

Давенпорт не ответил. Он смотрел на меня, и на его длинном холеном лице застыло раздумье.

– Белла, а ты действительно уверена, что видела... нападавшего? – спустя долгие несколько минут спросил опекун.

– То есть вы мне не верите?

Внутри плеснулось возмущение. Неужели этот сухарь думает, что я лгу?

– Почему ты не дождалась меня и отправилась в полицию? – ушел от ответа Давенпорт.

– Потому что испугалась за свою жизнь.

– Белла, послушай...

Договорить опекун не успел. В коридоре послышался шум, в дверь постучали, и в гостиную вошли полицейские, сопровождаемые растерянным дворецким.

– Лорд Давенпорт, полиция, – торопливо озвучил очевидное Петерсон, нервно передергивая плечами.

Выглядел он каким-то помятым. И взгляд серых глаз был точь в точь, как у виноватого пса.

– Говорят, с осмотром пришли, – опасливо добавил дворецкий и как-то странно поколебавшись в мою сторону.

Неужели тоже боится? Вот уж не думала, что люди могут быть так суеверны.

– Мы должны осмотреть место происшествия, – подтвердил слова Петерсона один из «копов», невысокий, похожий на цыгана, брюнет. Его желтые глаза мгновенно обшарили комнату и остановились на Давенпорте.

– Следуйте за мной, – холодно произнес опекун.

Он поднялся и, не оглядываясь, пошел к дверям.

– Ключ от спальни у меня, – негромко сказала ему вслед.

– Леди Бернстоф, вас мы тоже попросили бы пройти... хм, – брюнет запнулся, посмотрел на мои ноги и договорил: – То есть, проехать с нами.

– С удовольствием, – улыбнулась в ответ, а в голове всплыла незабвенная фраза из старого фильма: – «С радостью предаюсь в руки родной милиции». Вот же, и откуда что берется?

– Не думаю, что в этом есть необходимость.

Голос Давенпорта мог заморозить воду в стоящем на столе графине, но на полицейских это не произвело никакого впечатления. Крепкие оказались ребята.

– Это уж мы сами решим, – в оскале «цыгана» мелькнуло что-то волчье, а в желтых глазах блеснул едва заметный огонек. – Прошу, леди Бернстоф.

Полицейские расступились, и я, гордо подняв голову, проехала мимо неодобрительно поджавшего губы опекуна, и оказалась в коридоре.

– Нам нужны те, кто проживает в доме, – обратился к Петерсону брюнет. Похоже, он был за главного. – Собери всех в гостиной.

– Слушаюсь, ваше высокородие, – проблеял дворецкий, и на негнущихся ногах отправился выполнять распоряжение полиции.

– Варт, Дукит, Мартон, осмотрите первый этаж, Гловер и Ридинг – вы со мной, остальные проверяют верхние этажи, – продолжал распоряжаться желтоглазый.

Полицейские молча разошлись, недовольный Давенпорт направился к лестнице, а мы с оставшимися копами заторопились вслед за ним.

Осмотр длился почти два часа. Полицейские обшарили весь дом, заставили меня повторить свои показания и рассказать, где именно я находилась в момент нападения, а потом принялись допрашивать слуг. И тут дело застопорилось. Работники мялись, путались, испуганно поглядывали на Давенпорта и на ведущего допрос «цыгана», и в итоге с трудом могли рассказать, где были прошлой ночью, и чем занимались.

Даже Присси, которая почти все время провела со мной в кабинете, долго заикалась, и толком не ответила ни на один вопрос.

– Не знаю, ваше высокородие, – твердила она и смотрела на полицейского так, будто тот собирался заковать ее в кандалы и отправить в тюрьму. Похоже, «цыган» вызывал у нее еще больший страх, чем я.

– Довольно, капитан, – не выдержал Давенпорт. – Вы же видите, слуги здесь ни при чем.

– Вы так уверены?

Желтые глаза капитана остро блеснули.

– Мы можем поговорить наедине? – после секундной паузы спросил опекун и, дождавшись от собеседника короткого кивка, направился к выходу из гостиной.

Капитан молча прошел следом. Дверь тихо закрылась за мужчинами, и в комнате стало тихо. Слуги растерянно застыли вдоль стены, Присси мялась рядом со мной, двое полицейских флегматично поглядывали вокруг, а я наблюдала за челядью, и никак не могла понять, почему они выглядят такими запуганными. Бьют их тут, что ли? Или простолюдины действительно так боятся магов?

Давенпорт и капитан вернулись минут через десять, причем, вид у полицейского был крайне задумчивым.

– Гловер, Ридинг, мы уходим, – скомандовал капитан и повернулся ко мне. – Леди Бернстоф.

Голос его звучал официально и бесстрастно.

– Как уходите? Вы уже нашли какие-нибудь улики?

Я с надеждой посмотрела на полицейского.

– Сейчас пока рано делать выводы, – уклончиво ответил тот. – Темного дня, леди Бернстоф.

Да что ж такое-то? А ведь я надеялась, что полиция поможет. Неужели напрасно?

Стражи порядка бодро покинули гостиную, Давенпорт жестом отпустил слуг, и мы с ним остались вдвоем. В комнате повисла неприятная тишина. Опекун подошел к окну, заложил руку за борт сюртука и бросил взгляд на улицу. По длинному лицу прошла едва заметная тень.

Я наблюдала за Давенпортом, и в душе зрело нехорошее предчувствие. У меня такое бывало. Где-то в районе сердца появлялось мерзкое сосущее ощущение, и в скором времени обязательно происходило что-то неприятное.

– Что вы сказали капитану?

Я не выдержала гнетущего молчания и решила выяснить, что происходит.

– Белла, постарайся успокоиться, – голос опекуна звучал тихо и удивительно мягко. – Тебе не нужно так волноваться. Вот, выпей воды.

Давенпорт легко пересек разделяющее нас расстояние, наполнил из графина стакан и подал его мне.

– Я не волнуюсь, я просто не понимаю, почему вы отослали полицию.

Пить не хотелось. Я поставила стакан на стол и выжидательно посмотрела на опекуна.

– Что ж, хорошо. Я объясню, – после незаметной паузы ответил Давенпорт.

Он взялся за спинку моего кресла и подкатил его к небольшому овальному зеркалу, висящему в простенке между окнами.

– Расстегни ворот платья, – негромко сказал опекун.

Не задавая вопросов, сделала, как он просил.

– Что ты видишь?

– Ничего особенного.

– Вот именно, Изабелла. Ничего. Ни следов насилия, ни синяков, ни малейшей царапины. Ничего.

Давенпорт смотрел в глаза моему отражению, а я глядела на тонкую изящную шею, белеющую в кружевах ворота, и чувствовала, как по спине бежит холодок, а к горлу подступает крик.

Никаких следов. Ни одного. Но ведь они были! Я точно помнила багровые синяки, опоясывающие шею уродливым ожерельем! А сейчас их нет. Неужели я схожу с ума?

– Видишь? Тебе просто померещилось.

В карих глазах стоящего за моей спиной мужчины мелькнуло что-то, похожее на жалость.

– Но это невозможно, я ведь помню...

Я коснулась шеи и машинально провела пальцами по коже. Ни следов, ни боли. Очень странно.

– Белла, послушай меня. У тебя и раньше случались такие... видения. Еще до твоего падения. Леди Летиция была весьма обеспокоена этим, и показала тебя лучшим докторам Бреголя.

Давенпорт слегка наклонился, нависая надо мной сзади, и мне захотелось отодвинуться. Видимо, что-то мелькнуло в моих глазах, потому что опекун тут же отстранился.

– Они решили, что я сумасшедшая?

Давенпорт достал из нагрудного кармана часы, не торопясь открыл крышку, бросил взгляд на циферблат, и только после этого ответил:

– Нет. Консилиум пришел к выводу, что у тебя слишком чувствительная натура, подверженная влиянию тревожных переживаний и снов. Доктора выписали успокоительные микстуры, и посоветовали свозить тебя на воды.

– И что? Не помогло?

– Почему же? Все шло хорошо. Ровно до смерти леди Летиции. Это событие пошатнуло твои душевные силы, видения вернулись, и мне пришлось обратиться к Келду. Его зелья помогали унять излишнюю тревожность, и вернуть тебе радость жизни.

– И с этой радости я упала с лестницы?

Кстати, я успела осмотреть место недавнего происшествия. Каменная балюстрада была довольно высокой, ступени – широкими, и просто так упасть Белла никак не могла. А это значило одно из двух – либо ей помогли, либо она сама прыгнула.

Давенпорт едва заметно приподнял бровь. Крышка часов захлопнулась с тихим металлическим звуком, но опекун не убрал их в карман, продолжая поглаживать идущую по золотой поверхности гравировку.

Я засмотрелась на блестящий корпус и задумалась. Хорошо. Допустим, Белла действительно страдала нервным расстройством, и была подвержена непонятным видениям, но я-то тут при чем? Не могло же сумасшествие передаваться мне «по наследству»? Или могло? А что, если никакого расстройства не было, и Белла действительно видела всякие странности? Вот как я.

Что бы ни говорил Давенпорт, но я прекрасно помнила и холод чужих пальцев на шее, и невозможность вздохнуть, и смазанную тень, и расплывчатые пятна на стене.

Я посмотрела на опекуна и наткнулась на внимательный взгляд. М-да. И что делать? Если и дальше буду упорствовать и стоять на своем, Давенпорт вполне может сдать меня в местную психушку. Или запереть в комнате. Или... Да мало ли, что придет ему на ум?

Нет, нужно затаиться и сделать вид, что поверила в собственную неадекватность. А самой тем временем попытаться вычислить того, кто собирался меня убить.

– Белла, поверь, никто в этом доме не желает тебе зла, – словно подслушав мои мысли, сказал Давенпорт.

Он, наконец, убрал часы в карман и посмотрел на меня совершенно бесстрастным взглядом. Казалось, опекун взял все эмоции под контроль, не позволяя ни единой из них просочиться наружу.

– Только в доме? А что, если кто-то проникнет извне?

– Твой дед много лет назад поставил серьезную защиту, которую не одолеть ни одному злоумышленнику, – твердо сказал опекун. – Постарайся не думать о плохом. Поверь, здесь ты в полной безопасности.

В полной безопасности? Не знаю. Я бы назвала это по-другому, но, боюсь, опекун такого точно не поймет.

– Хорошо, лорд Давенпорт. Наверное, вы правы. Это все мои нервы...

Я потупилась, скрывая от излишне проницательного взгляда непокорные мысли, и тихо вздохнула. Как же трудно притворяться нежным беспомощным одуванчиком! Но и признаваться нельзя. Вчера в одной из книг я наткнулась на упоминание об эри – иномирцах, приходящих в Дартштейн с Темной стороны. Их считали абсолютным злом, и уничтожали. Нет, если верить свидетельствам очевидцев, эри были хладнокровными убийцами, совершающими кровавые жертвы. Но беда в том, что к эри причисляли абсолютно всех иномирцев. А значит, и со мной церемониться не будут. Стоит только Давенпорту понять, что поведение подопечной изменилось вовсе не из-за болезни, как меня тут же ликвидируют.

– Белла, ты должна пообещать, что больше не будешь совершать опрометчивых поступков, – не отставал опекун.

– Конечно. Обещаю. Простите, что заставила вас волноваться.

Я опустила голову еще ниже, изображая несуществующее раскаяние, а сама считала про себя до десяти, чтобы не высказать то, что думаю на самом деле.

– Что ж, я рад, что мы поняли друг друга.

В голосе опекуна прозвучало удовлетворение. Вернее, звучал-то он практически бесстрастно, но я каким-то чутьем улавливала малейшие оттенки настроения этого холодного мужчины, и понимала, что он ощущает. Не знаю, то ли Белла слишком хорошо изучила своего опекуна, то ли моя интуиция обострилась, а может, то и другое вместе, но, как бы там ни было, эмоции я теперь чувствовала достаточно отчетливо.

– Идем, тебе нужно отдохнуть.

Опекун взялся за спинку моего кресла, и покатило его к выходу.

– Хорошо, – смиренно согласилась я, про себя желая замороженной селедке провалиться в местную преисподнюю. Как раз туда, откуда и приходят эри.

После ухода Давенпорта я поднялась наверх и устроилась у окна.

Поясница разламывалась, непривычные к нагрузке мышцы рук неприятно ныли, голову опоясывало болью, но я, не обращая внимания на доставшееся мне слабое тело, раздумывала над тем, что делать. Мысли крутились нерадостные.

Пока все убеждены в неадекватности Беллы, мне придется самой заботиться о собственной безопасности. И начать следует с тайного хода. Сложно чувствовать себя защищенной, когда не знаешь, что скрывается за стенами комнаты. Еще и невидимка этот. Интересно, это он был тогда ночью, или здесь целый комплект привидений имеется?

Словно в ответ на мои размышления, возле окна появился едва заметный мужской силуэт. Он приподнял старомодную шляпу с пером, а потом поклонился и медленно растворился в воздухе. Или мне просто показалось? Но ведь Белла тоже видела призраков?

Перед глазами возникло серое марево, голова закружилась, в ушах зазвенело, и комната стала отдаляться, превращаясь в маленькую точку. «Раз, два – вместо двух одна... Три, четыре – найди себя...» – прозвучало откуда-то сверху, из серой мглы. Секунда – и все прекратилось, лишь где-то на краю сознания продолжала звучать странная считалочка.

Мне стало не по себе. Неужели я действительно схожу с ума? Вот уж не думала, что безумие заразно. Да нет, я действительно видела призрака. Но почему он появился днем? Разве привидения могут показываться при солнечном свете?

Я посидела немного, приходя в себя, а потом подъехала к тому месту, где раньше стоял шкаф, и чуть поддела ногтем край обоев. Пальцы наткнулись на небольшое углубление, а когда я оторвала бумажную полоску, то увидела на темном металле крошечную замочную скважину. Выходит, тут нужен ключ. И где его взять?

Тихий стук в дверь заставил меня отвлечься от размышлений.

– Миледи, вы позволите?

В спальню ужом протиснулся Келд. Лицо мага освещала фальшивая улыбка, выпуклые глаза маслянисто блестели, да и губы казались намазанными жиром. Сплошное сияние.

Я молча наблюдала, как Келд подошел ближе и склонился в угодливом поклоне.

– Лорд Давенпорт попросил изготовить для вас микстуру и проследить, чтобы вы ее приняли, – доставая из кармана небольшой темный флакон, сказал маг, и в его взгляде мелькнуло странное предвкушение. А у меня по спине снова пополз холодок. И интуиция заревела дурной сиреной.

– Хорошо, оставьте, я выпью.

– Простите, миледи, но я должен лично убедиться, что вы приняли лекарство. Лорд Давенпорт особенно подчеркнул это пожелание.

Да чтоб его, этого проклятого опекуна!

Я посмотрела на Келда, перевела взгляд на подрагивающую в его руках склянку и задумалась. Если откажусь пить приготовленную Келдом бурду, могут ведь и насильно напоить. Похоже, у мага для этого все полномочия имеются. И что делать? Рискнуть и проверить на себе, чем поили Беллу?

– Хорошо, давайте вашу микстуру, – неохотно сказала магу.

Тот с готовностью взял с тумбочки стакан, налил в него немного воды из графина и капнул несколько капель зелья. По комнате разлился неприятный резкий запах.

– Вот, миледи, нужно выпить все до дна.

Голос Келда звучал чуть заискивающе.

Я поднесла бокал к губам, но не торопилась сделать глоток.

– Что входит в состав настойки?

– О, всего лишь несколько трав, и вытяжка из корня циртовника, – с готовностью ответил маг, не отрывая взгляда от моих губ.

– И каково ее действие?

– Миледи, вы мне не доверяете?

На лице Келда проступила обида.

– Нет, просто предпочитаю знать, чем вы меня лечите.

– Это обычная успокоительная микстура, усиленная парой специальных заклинаний.

– Что ж, хорошо, я ее выпью, – я придвинула стакан ближе, и Келд подался вперед. – Но сначала хочу задать вам вопрос, как магу. Вы ведь можете определить, каким даром обладает человек?

Келд едва заметно нахмурился, но тут же поторопился нацепить на лицо прежнюю угодливую улыбку.

– Увы, миледи. Определить уровень магии могут только те, кто имеет нужные способности.

– Но предположить-то вы можете? Вот, допустим, я. Как вы считаете, у меня есть магия?

– Конечно, миледи. Цвет ваших глаз говорит сам за себя.

– И как думаете, что я умею?

– Боюсь, миледи, у вас очень небольшой и, скорее всего, спящий дар. Мы обсуждали это с лордом Давенпортом, когда я рассчитывал силу магического воздействия, необходимого для создания микстуры.

– Значит, опекун точно знает уровень моей магии?

– Именно так, миледи. Но я могу сказать только одно – ваша магия никак себя не проявляет, – закивал Келд, и торопливо добавил: – Вы микстурку-то выпейте, пока не выдохлась.

Я сделала глоток и скривилась. Натуральный «Корвалол». Такой же горький, и ужасно вонючий. Странно, что я сразу не распознала этот запах.

– До дна, миледи, – приблизившись почти вплотную, вкрадчиво сказал Келд, и мне пришлось залпом допить отвратительное пойло. – Вот и хорошо, вот и славно, – довольно улыбнулся маг. – А теперь прилягте, отдохните. Вам нужно набраться сил.

Голос Келда звучал тихо и ласково, внутри появилась приятная легкость, глаза закрывались сами собой, меня стало клонить в сон, но я незаметно впила ногти в ладонь и скинула дурман. Правда, внешне никак этого не показала.

– Да, мне нужно отдохнуть, – пробормотала слабым голосом и подъехала к кровати.

– Позвольте, я вам помогу, – суетливо дернулся Келд.

Он обхватил меня за талию и перенес на постель.

– Вот так, миледи. Лежите себе тихонечко и никому не мешайте, – пробормотал он, постоял еще пару минут и вышел из комнаты.

– Чего расселась? – раздался из-за двери грубый окрик. – Ноги подбери!

– Простите, тер маг, – испуганно пискнула Присси.

Келд добавил еще что-то, но мне некогда было разбирать, что именно. С трудом перебравшись обратно в кресло, я схватила стакан и поспешила в ванную. А там, залпом выпив воды, склонилась над ватерклозетом и избавилась от «волшебной микстуры» Келда. Правда, не успела разогнуться, как услышала раздавшиеся в спальне шаги. Неужели маг вернулся проверить действие зелья? Только этого не хватало!

Я быстро умылась, вытерла лицо и выехала из ванной.

– Вы?

Взгляд замер на знакомой фигуре.

– Что вы здесь делаете?

– Белла, как ты себя чувствуешь? – не ответил на мой вопрос Давенпорт. Выглядел он непривычно эмоциональным. В темных глазах застыла тревога и что-то еще, какое-то чувство, похожее на жалость. – Тебе плохо? Что-то болит?

Я впилась ногтями в подлокотники кресла. Если опекун слышал, как меня тошнило, то наверняка понял, что я сделала. Или нет?

– Белла, не молчи, – в голосе Давенпорта послышались отголоски волнения, и я решилась.

Тут уж или пан, или пропал.

– Это все микстура, – произнесла умирающим голосом. – Я вспомнила, мне всегда после нее очень плохо. Вот и сегодня... Тер Келд дал мне целый стакан, я выпила, а потом...

Я не договорила, страдальчески поморщившись и с трудом выдавив пару слезинок. Только бы Давенпорт поверил!

– Проклятье! – сквозь зубы выругался опекун, разом растеряв всю свою былую невозмутимость. – Почему ты раньше молчала?

– Я не хотела никого огорчать. Вы так настаивали... И тер Келд... Я его боюсь. Он такой... Такой...

Я не договорила и тихо всхлипнула.

– К ресу все! – неожиданно резко выругался опекун. Он присел на корточки, и его лицо оказалось вровень с моим. В карих глазах плескалось так много эмоций, что я опешила. Куда делся былой Давенпорт? Откуда взялся этот незнакомец? И почему рука, которой он сжал мою ладонь, такая горячая?

– Все, Белла, успокойся, – негромко сказал Давенпорт. – Не плачь, ты больше не будешь принимать это лекарство. И Келда я уволю. Ну же, перестань.

Опекун достал из кармана белоснежный платок и протянул его мне.

– Вытри слезы.

Во взгляде Давенпорта плескалась вина, и меня это так поразило, что я машинально взяла платок, приложила его к глазам и промокнула влажные ресницы. Надо же. С чего вдруг опекун так всполошился?

– Как ты себя чувствуешь? Голова не кружится? Тошнота прошла? – не отставал Давенпорт, не сводя с меня встревоженного взгляда. – Может, вызвать доктора Штерна?

– Не нужно, – тихо произнесла в ответ, пытаюсь понять, что случилось с замороженным обычно лордом.

– Хочешь прилечь? – не отставал тот, и я впервые задумалась о том, почему Давенпорт не придерживается правил этикета.

Ладно, мне, современной девушке, плевать на приличия, но ведь для Беллы присутствие в спальне постороннего мужчины должно было бы выглядеть странно? Даже невозможно. Или я чего-то не знаю о местных нравах? Может, опекун здесь заменяет отца, и ему позволено многое из того, что для остальных считается недопустимым?

– Белла, не молчи, – напряженно произнес Давенпорт, продолжая смотреть на меня встревоженно и напряженно.

– Мне уже лучше, – вздохнула в ответ и взглянула в непривычно близкие и совсем не холодные глаза. – Не волнуйтесь.

Не знаю, что на меня нашло, но я протянула руку и коснулась плеча опекуна, пытаюсь его успокоить.

– Со мной правда все хорошо.

Давенпорт замер на секунду, потом подался вперед, всматриваясь в мое лицо так, будто пытался там что-то отыскать, но, видимо, не нашел, и разом заledenел, отстранился, и быстро отошел к окну. Мне даже показалось, что он попросту сбежал. Неужели ему так неприятны мои прикосновения? Или дело в чем-то другом?

Мне стало не по себе. И захотелось укутаться в шаль, укрыться от холода, наполнившего комнату, но я только сильнее вцепилась в подлокотники кресла, и распрямила плечи.

– Что ж, я рад, – после короткой паузы сказал опекун, и надолго замолчал.

Я тоже молчала, не в силах преодолеть проскользнувшее между нами отчуждение. Оно все ширилось, заполняя, казалось, все свободное пространство комнаты, росло, проникало в сердце, и это неожиданно выбило меня из колеи. Казалось бы, какая разница, что думает или чувствует Давенпорт? Вот только то живое участие, которое плескалось в темных глазах совсем недавно, задело что-то в душе, заставило поверить, что хоть кому-то в этом мире я небезразлична, и внезапное возвращение прежнего опекуна оказалось болезненным.

Время шло, комнату наполнил сумрак, тишина стала давящей.

– Лорд Давенпорт, я хотела спросить, – не выдержав, посмотрела на опекуна.

Короткий зимний день угасал, небо серело унылыми разводами, и выражение лица напряженно застывшего мужчины было под стать хмурой погоде. Он держал в руках часы, но смотрел не на них, а на низкие снеговые тучи, нависшие над городом.

– Что тебя интересует?

Голос Давенпорта прозвучал немного хрипло.

– Кем были мои родители?

– Никак не привыкну к тому, что ты ничего не помнишь, – не поворачиваясь, ответил Давенпорт. Его спина выглядела напряженной, а жест, которым он поглаживал крышку часов, выдавал волнение. – Кристофер и Пенелопа Бернстоф были талантливыми магами-артефакторами. Твои родители жили в Эрголе и работали в семейной мастерской. Кристофер вырезал из дерева фигурки людей и животных, а Пенелопа наделяла их особыми свойствами. Состоятельные клиенты выстаивались в очередь, чтобы заполучить эти скульптуры, считалось, что они приносят своим владельцам удачу. Кстати, ты очень похожа на отца. От матери тебе достался только цвет волос.

– А почему меня воспитывала тетя?

– Через четыре года после твоего рождения Пенелопа и Кристофер Бернстофы погибли при взрыве в мастерской. Было проведено тщательное расследование, но установить, что произошло, так и не удалось. Тетя Кристофера, Летиция Бернстоф, взяла на себя заботу о твоём воспитании, и привезла в Бреголь, где ты и прожила все это время.

Я слушала опекуна, и невольно сравнивала историю Беллы со своей собственной. Я ведь тоже росла без родителей. Отец бросил маму, когда узнал о ее беременности. Он заявил, что жизнь слишком коротка и нужно успеть взять от нее все, а прицеп из бабы с мелким нахлебником ему и даром не нужен. И вообще, еще неизвестно, чей это ребенок. Вскоре его посадили за кражу, а мама, после моего рождения, быстро покатила по наклонной. Мужчины, спиртное, травка, потом – наркотики. Тетя Фима рассказывала, что, когда она приехала в Томск и вошла в коммуналку, я тихо сидела в углу и мусолила сухую баранку, мама спала в обнимку с каким-то парнем, а на полу валялись пустые бутылки и использованные шприцы. «Я как это увидела, чуть с ума не сошла, – вздыхала тетя Фима. – Схватила тебя в охапку и выскочила из этого притона. А потом позвонила Лелечке и попросила помочь оформить опекунство». Лелечка, или Ольга Андреевна, была тетиной подругой детства, и занимала какой-то видный пост в администрации города. Не знаю, на какие рычаги она надавила, но уже спустя пару недель все необходимые бумаги были у тети Фимы на руках, и мы с ней уехали в Питер. Строго говоря, Серафима Никодимовна приходилась мне не родной, а двоюродной тетей. Но все эти тонкости я узнала намного позже, когда подросла и заинтересовалась своей родословной. К тому времени мамы уже не было в живых, а моя родная бабушка знать не хотела ни о каком «отродье», заявив, что с таким отцом мне прямая дорога в тюрьму. «Ты, Фима, деньги-то дома не храни, – советовала она во время одного из разговоров по скайпу. – А то однажды эта бандитка тебя ножичком пырнет, выгребет все подчистую, да и сбежит». Тетя Фима тогда молча

закрыла ноутбук и больше никогда не общалась с моей бабушкой, а я дала себе слово, что вырасту и докажу всем, что плохая наследственность ничего не значит. А еще я пообещала, что получу самое лучшее образование, и тетя Фима обязательно сможет мною гордиться. Именно это обещание заставило меня окончить школу с золотой медалью и поступить в университет на бюджет. И оно же давало мне силы учиться и работать одновременно, хоть это и оказалось очень нелегко. До сих пор помню, как спала по пять часов в сутки, и ела на ходу, чтобы все успеть.

– Белла, ты меня слушаешь? – вклинился в мои размышления голос Давенпорта.

– Что? Да, конечно. Значит, мои родители были магами. А я? У меня есть какой-нибудь дар?

Я затаила дыхание, в ожидании ответа.

– Нет, – коротко ответил опекун, даже не пытаясь подсластить горькую пилюлю. – Твой уровень магии слишком мал, чтобы всерьез говорить о даре.

– Значит, пустышка, – тихо пробормотала я.

Давенпорт промолчал. И это молчание оказалось удивительно обидным. Нет, я все понимала, и ни на что не рассчитывала, но в душе все равно жила крохотная надежда, что у меня есть магия, и я сумею ею воспользоваться. А теперь выходит, что надеяться можно только на себя. Впрочем, как и всегда.

– Поверь, Белла, наличие сильной магии не делает человека счастливым, – тихо произнес Давенпорт. – Скорее, наоборот. Большинство магов – одиночки, не способные на сильные привязанности и чувства. И редко кому из нас удастся создать нормальную семью.

Он обернулся, и я увидела, как по его губам скользнула грустная улыбка.

– Нет, Изабелла, тебе не нужна магия. Без нее намного проще.

– А почему я называла леди Летицию тетей? Если она – тетка моего отца, то мне должна была приходиться бабушкой?

Когда я была маленькой, тетя Фима часто рассказывала о нашей с ней общей родословной, с удовольствием посвящая меня в тонкости семейных связей. А я слушала ее, выпрашивала значение непонятных слов и запоминала, кто кому приходится деверем или золовкой, и почему я должна называть бабушкой некую Ариадну Аркадьевну, в то время как сама числюсь ее двоюродной внучатой племянницей.

– Так хотела сама леди Летиция, – ответил Давенпорт.

Он мельком взглянул на циферблат и поморщился.

– К сожалению, мне уже пора. Если с тобой все в порядке...

Он не договорил, внимательно посмотрев мне в глаза. И в коричневой глубине снова мелькнуло что-то теплое, живое, настоящее. То, чему я не могла подобрать названия, но что заставляло совсем по-другому воспринимать этого холодного и сдержанного мужчину.

– Со мной все хорошо, – поторопилась заверить опекуна.

– Присси останется на ночь в твоей комнате. Вечером придет Штерн, он собирался сделать тебе массаж. Постарайся ни о чем не волноваться, и помни – в доме безопасно, – с нажимом произнес Давенпорт и уже тише добавил: – Что ж, я пойду.

Он покрутил в руках часы, захлопнул крышку и решительно распрямился.

– Да, пойду, – повторил он и быстро, не дожидаясь ответа, направился к выходу.

– Лорд Давенпорт! – поддавшись импульсу, окликнула опекуна.

Впервые за время нашего общения, Давенпорт открылся с другой стороны, и мне захотелось узнать его получше, понять, что стоит за вечным недовольством, и как он на самом деле относится к Белле.

– Да?

В темных глазах мелькнула настороженность.

– У вас найдется немного свободного времени? Может, прогуляемся по городу? Мне так хочется выбраться за пределы особняка, посмотреть на людей, попытаться вспомнить прошлое.

Давенпорт ненадолго задумался, прикидывая что-то, а потом спросил:

– Уверена, что тебе это по силам?

– Конечно.

– Что ж, хорошо. Постараюсь завтра освободиться пораньше.

Опекун провел большим пальцем по крышке часов, обводя линии гравировки, и добавил:

– Только оденься потеплее.

Мне достался нечитаемый взгляд, и Давенпорт вышел из комнаты.

Он от души выругался и ударил кулаком по сиденью мобиля. Снова неудача! Снова ложный след! А ведь, казалось, именно в этот раз ему повезет. Им всем повезет! Но нет. Судьба снова и снова проверяет его на прочность. Артенид, украденный Бавесом, оказался подделкой. Пустышкой. Копией.

Он устало потер глаза. Вторые сутки без сна. Сначала поездка на побережье, потом переговоры с Келлером, которые правильнее было бы назвать попойкой. Ну а дорога от Кранца вымотала его окончательно.

Он посмотрел на неспешно прогуливающих людей и почувствовал, как в душе что-то шевельнулось. Давненько он вот так не гулял. Без цели, без спешки, без постоянного поиска. Надо бы пройтись немного. Глядишь, свежий воздух разгонит туман в голове и поможет понять, что делать дальше. Да и размяться не помешает, а то от долгого сидения спина затекла.

Он вылез из мобиля, захлопнул дверцу и пошел в сторону Аушвайгской площади.

Глава 4

Снег тихо кружил в воздухе и оседал на остроконечных крышах домов, кованых крылечках и чугунных фонарях. Вдоль тротуаров стояли вазоны, отделяющие проезжую часть от пешеходной зоны. Растущие в них вечнозеленые кустарники смешно выглядели из-под снежных шапок, напоминая сердитых гномов, провожающих машину Давенпорта недоверчивыми взглядами.

Опекун сидел впереди, рядом с шофером, а я с интересом смотрела в окно, разглядывая проплывающую за стеклом столицу. Бреголь напоминал один из городов Европы, снимками которых завален весь интернет. Те же проплешины красной черепицы, такие же каменные дома – небольшие, уютные, с забавными флюгерочками и фонариками; сверкающие огнями витрины кондитерских и магазинов, узкие улочки и присыпанная снегом брусчатка мостовой.

Когда-то я и мечтать не могла побывать за границей, а сейчас наблюдала за проплывающими мимо каретами и старомодными машинами, рассматривала неторопливо идущих прохожих, жадно разглядывала их одежду и пыталась определить, к какой эпохе она принадлежит. Вот, например, две молодые женщины, застывшие у одной из витрин. Симпатичные, улыбочивые, они выглядели почти современно: юбки чуть ниже середины икры, просторные меховые жакеты с покатыми плечами, малюсенькие шляпки, кокетливо сдвинутые набок, завитые тугими локонами волосы. А рядом с дамами сгорбился мужчина в длинном плаще, похожем на те, что носили средневековые рыцари. И шляпа его выглядела странной, с пышным изогнутым пером и широкими полями. Или взять старую даму, вышедшую из кондитерской. Ее длинное платье со шлейфом, поверх которого была надета подбитая мехом накидка, наводило на мысли о позапрошлом веке. Интересно, и не сложно мадам передвигаться с таким неудобным «хвостом»?

– Лорд Давенпорт, а какой сейчас год? – разглядывая проплывающую за окном заснеженную площадь, спросила опекуну.

Чугунные фонари мелькали черными солдатыками, огромный памятник, напоминающий Медного всадника с Сенатской площади, собирал падающие белые хлопья бронзовым плащом, а смеющиеся дети бегали вокруг высокого постамента и закидывали друг друга снежками.

– Двадцать второй, – ответил Давенпорт.

– Тысяча девятьсот двадцать второй?

Я прикинула в уме, что помню из истории о двадцатых годах позапрошлого века. Окончание первой мировой, звуковое кино, нэп в России, красная помада и стрижки под мальчика. В общем, веселое времечко. Интересно, история этого мира развивается так же? Хотя, глядя на окружающих, я бы решила, что сейчас не двадцатый век, а конец девятнадцатого. И коротких стрижек тут еще точно нет. По крайней мере, я пока не заметила ни одной дамы с обрезанными выше плеч волосами.

– Неужели ты и этого не помнишь?

Давенпорт обернулся и пристально уставился мне в глаза.

– Увы.

Я вздохнула, но тут же поторопилась задать следующий вопрос:

– А почему люди одеты так... по-разному? Вот тот старик, например. Он же выглядит, будто на дворе не двадцатый век, а семнадцатый.

– Маги из старой знати живут долго, и многие из них одеваются так, как было принято во времена их молодости, – Давенпорт проводил взглядом остановившегося на перекрестке пожилого мужчину, и добавил: – Вот как лорд Баксли. Если не ошибаюсь, ему не так давно перевалило за двести. Его плащу, похоже, тоже.

Давенпорт едва заметно усмехнулся, а я в который раз поразились тому, как меняется его лицо под влиянием эмоций. Может же быть нормальным человеком, когда захочет!

Я окинула опекуна внимательным взглядом. Судя по одежде, Давенпорт тоже предпочитает прошлое. Интересно, сколько ему лет?

– А сколько живут маги?

– По-разному. От ста до пятисот. Все зависит от уровня дара, – ответил опекун, и не успела я толком осознать сказанное, как машина остановилась. – Эрни, достань кресло леди Бернстоф, – велел шоферу Давенпорт.

Худощавый молчаливый Эрнест только кивнул в ответ. Я наблюдала, как он вытащил из отделения, напоминающего багажник, коляску, подкатил ее и открыл дверцу с моей стороны.

– Вы позволите, миледи?

Шофер помог мне сесть и распрямился, старательно избегая моего взгляда.

– Эрни, где плед? – выйдя из машины, спросил Давенпорт.

Снег заскрипел под его начищенными до блеска туфлями.

– Сейчас, милорд.

Эрни снова кинулся к багажнику, а потом протянул своему хозяину плед и вернулся к машине.

– Вот так, – тихо сказал Давенпорт, наклоняясь надо мной и укутывая мои ноги. – Не холодно?

Я только головой мотнула. Какой уж тут холод! Меня снарядили, как на северный полюс: длинная соболиная шуба, меховая шапка, теплый шарф, перчатки, высокие сапожки. Тут и захочешь – не замерзнешь.

– Жди здесь, – велел Давенпорт шоферу, и покатил мое кресло к заснеженному парку.

– Я могу сама, я справлюсь.

Мне не хотелось зависеть от чужой помощи, и я попыталась вернуть самостоятельность, но опекун и не подумал соглашаться.

– Тут скользко, – сказал он, и в его тоне прозвучали металлические нотки, пресекающие любые споры.

Что ж, если Давенпорту так хочется, пусть везет. Мне же легче.

Я смотрела по сторонам, разглядывая гуляющих по площади людей, мороз пощипывал щеки, заставляя чувствовать себя удивительно живой, а в душе поднималось предвкушение чего-то особенного и необычного. Казалось, еще немного, и моя жизнь круто изменится. Хотя, куда уж круче? Я ведь до сих пор так и не привыкла к чужому телу. И постоянно вздрагивала, когда натыкалась на свое отражение.

– Не замерзла? – спросил Давенпорт, но ответить я не успела.

– Рэндалф! – послышался громкий окрик, а уже в следующую секунду я попала под очарование горячего взгляда и забыла обо всем.

Никогда не встречала такого удивительного оттенка глаз – яркого, мерцающего теплым светом, с опасными огоньками в леденцовой глубине.

– Лукас? – удивленно спросил Давенпорт. – Что ты здесь забыл?

– Могу спросить тебя о том же, – хмыкнул мачо, останавливаясь рядом с моим креслом и моментально заполняя собой все свободное пространство. – Не припомню, чтобы ты совершал вечерние променады по Аушвайгской площади. – Леди Бернстоф, – небрежно поклонился он мне и мазнул странно недоброжелательным взглядом, а я зависла, сраженная звериной грацией и обрушившимся на меня «ушатом» тестостерона. Невероятно. Этот мужчина – просто ходячий секс. Вижу его – и внутри все сворачивается от горячего, никогда раньше не испытанного желания, и губы пересыхают. Да у меня даже по ногам мурашки бегут, хотя я вообще не должна их чувствовать.

«Динка, прекрати вести себя, как дура. Подумаешь, мачо! У него же на лбу написано – кобель. Совсем как твой папаша. Вон как проходящие мимо женщины глазками стреляют, да и Хольм успевает каждую хорошенькую взглядом облизать. Оно тебе надо?»

И правда. Чего это я? Никогда не кидалась на красивых мужчин, а тут что-то совсем мозги отказали. Или это тело Беллы так реагирует? Еще не хватало!

– Ты сегодня в департаменте появишься? – одарив улыбкой очередную симпатичную девушку, спросил у Давенпорта Хольм.

– После восьми, – коротко ответил опекун.

Он замкнулся, голос его звучал сухо, и эти перемены заставили меня обернуться и посмотреть на бледное, совсем не порозовевшее от мороза лицо.

– Я зайду, нужно кое-что обсудить. Громила Кревен на днях хвастался друзьям, что знает, где искать артефакты. Мои люди проследили за Кревом, он встречался с Чанисом...

– Не здесь, Лукас, – оборвал Хольма Давенпорт, и в его голосе прозвучало предупреждение. – Поговорим в департаменте.

– Ладно, – легко согласился Хольм и скользнул по мне равнодушным взглядом. – Увидимся. До свидания, леди Бернстоф.

Лукас небрежным жестом коснулся шляпы, легко развернулся и пошел прочь. Невыносимо элегантный и похожий на чикагского гангстера времен Аль Капоне, а я смотрела ему вслед и не могла избавиться от хмельного чувства, до краев заполнившего душу.

«Динара Витальевна, окститесь! Хватит пялиться на Хольма. Не до него сейчас».

Если бы это было так просто! Проклятый мачо вызывал жгучий интерес, и я никак не могла заставить себя отвернуться и не смотреть вслед уходящему Лукасу. Тот шагал широко, уверенно, с гордо поднятой головой и в лихо сдвинутой набок фетровой шляпе. Красивый все-таки. И прекрасно об этом знает.

В этот момент Давенпорт покатил мое кресло вперед, и мне пришлось отвлечься. Правда, от вопроса не удержалась.

– Вы вместе работаете?

– Что? – рассеянно переспросил опекун. – Нет. Хольм сам по себе.

– А кто он?

– Неужели не помнишь?

– А что, мы с ним давно знакомы?

– Два года.

– Надо же, не помню.

Я сокрушенно покачала головой, а Давенпорт тихо, почти про себя, пробормотал: – «Может, оно и к лучшему».

– Вы о чем?

Опекун резко остановился, отчего кресло дернулось, но спустя секунду прогулка возобновилась. Правда, ответа на свой вопрос я так и не получила.

– Лорд Давенпорт, а кто такой этот Лукас Хольм?

Я почти не рассчитывала на какие-либо подробности, но опекун удивил.

– С недавних пор Лукас – глава одного из видных оборотнических кланов, – ответил он. – Раньше держал подпольные игорные дома и был не в ладах с законом, но лет пятнадцать назад порвал с прошлым и занялся добычей угля. Сейчас у него уже несколько шахт и легальный доходный бизнес.

Вот это номер! Выходит, Лукас – оборотень? Получается, он умеет превращаться в волка? Интересно, как это происходит? Вот бы посмотреть!

Внутри все дрожало от странного, ни на что не похожего чувства. С ума сойти, я видела настоящего живого оборотня! Человека, перекидывающегося в зверя. Скажи кому из друзей,

решили бы, что у меня с головой не все в порядке. Хотя, если учесть мое попадание в другой мир, еще неизвестно, что вызвало бы большее удивление.

– А что он делает в столице?

Я повернулась к опекуну.

– Ты не замерзла?

Давенпорт наклонился, поправляя съехавшую меховую накидку. Похоже, отвечать на вопрос он не собирался.

– Может, вернемся домой?

– Нет, что вы! Я отлично себя чувствую. Давайте доберемся до парка, мне очень хочется проехать по аллее.

– Что ж, хорошо, – кивнул опекун.

– Вы не ответили, чем занимается тер Хольм. У вас с ним какие-то дела?

– Лорд Хольм, – поправил меня Давенпорт. – И у нас нет никаких дел. Я всего лишь консультирую его по поводу одного пропавшего артефакта.

– Что за артефакт?

– Тебе действительно интересно?

– Конечно.

– Странно. Раньше ты никогда не расспрашивала меня о работе.

– Все меняется. Вот и я изменилась.

– Я заметил, – кивнул Давенпорт.

В его словах прозвучало раздумье, которое мне совсем не понравилось. Хотя, глупо было рассчитывать, что Рэндальф, как назвал опекуна Беллы Лукас, не увидит перемен в поведении подопечной.

– Так что там с артефактом? – поторопилась увести мысли Давенпорта от своей мутной личности к более безопасной теме.

– Артефакт, который ищет Лукас, был украден из мастерской твоего деда, – ответил опекун, но голос его звучал так, словно Давенпорт думал о чем-то другом. – Вообще, сделать артефакт может далеко не каждый артефактор. Для этого нужно обладать особой магией. Людвиг Бернстоф был одним из немногих, кому удавалось создавать артефакты. Вот и в тот раз твой дед вырезал фигурку для оборотней Красного клана и вложил в нее особую магию, правда, отдать выполненный заказ не успел.

– Почему?

– Бернстоф внезапно скончался. А сделанный им артефакт исчез. Оборотни обыскали всю мастерскую, но не нашли никаких следов артефакта, хотя еще накануне один из них лично видел почти готовую фигурку.

– А дед точно умер своей смертью? Может, его убили?

– Нет. Полиция тщательно все проверила, и у них не возникло никаких сомнений в том, что кончина почтенного мага была естественной.

Давенпорт отвечал немного механически, все еще продолжая обдумывать какую-то мысль или, возможно, предстоящий разговор с Хольмом.

– А что умеет этот артефакт? Зачем он оборотням?

Я машинально сжала подлокотники, задев кнопку управления, и кресло резко дернулось, но Давенпорт сумел его удержать.

– Говорят, артефакт способен исполнять желания, – продолжил он. – Но не все, а только одно, под которое его сделали.

– И зачем лорду Хольму такой интересный артефакт?

– Этого я сказать не могу, – ушел от ответа Давенпорт, а я задумалась.

Странная история. Слишком много загадок. Внезапная смерть деда Беллы и гибель ее родителей, пропавший артефакт, видения самой Изабеллы, ее мнимое или настоящее безумие

и попытка самоубийства. Как понять, что произошло на самом деле, и как с этим связано мое перемещение в чужое тело?

Я машинально мазнула взглядом по заснеженным деревьям и заметила одно, выбивающееся из общего ряда. Белый ствол с черными черточками, тонкие, согнувшиеся под тяжестью снега ветки, скромная грация и изящная простота – да это же березка! Наша, русская, родная. Как ее занесло в Дартштейн?

Сердце защемило, рванулось из груди, взгляд приклеился к тонкому силуэту. И так захотелось домой, хоть плачь!

«Динка, перестань, – одернула саму себя. – Сейчас не время проявлять слабость».

Да, не время. Нужно выяснить, для чего я оказалась в этом мире. Наверняка ведь не просто так, и есть какая-то причина, по которой меня перенесло в Дартштейн. Может, я должна помочь найти артенид? Или понять, что произошло с семьей Беллы? Кстати, мне бы и самой не помешал артефакт, выполняющий желания. Возможно, он сумел бы вернуть меня домой, в родной и привычный мир, в то время, когда тетя Фима еще была жива. Уж я бы сделала все, чтобы не выпустить ее из дома в тот злосчастный вечер.

Я снова повернулась к Давенпорту и спросила:

– А как выглядит артенид?

– Обычно это деревянная фигурка мужчины или женщины, но каждый мастер добавляет в нее что-то свое. Если верить свидетельствам очевидцев, твой дед вырезал девушку с волчьим хвостом. Правда, видели этот хвост не все, а только оборотни.

Давенпорт рассказывал и катил мою коляску вперед, пока широкая аллея не вывела нас к круглой площади. В центре небольшого открытого пространства высился памятник какому-то поэту. Нахохлившиеся голуби облепили и протянутую в нашу сторону ладонь, и раскрытую книгу, и вдохновенно вскинутую к небу голову. А шустрые воробьи суетливо подбирали брошенные сердобольными горожанами крошки, и бесстрашно лезли под ноги прохожим, выпрашивая добавки.

Я смотрела по сторонам, разглядывала неторопливо прогуливающихся людей, и неожиданно поймала себя на странном ощущении. Казалось, мне знакомы и город, и парк, и площадь. Как будто я все это уже видела. Может, во сне, может, в мечтах... Глупо, конечно. Когда бы я могла это увидеть?

– А у вас есть догадки, где может быть артефакт?

Я повернулась к Давенпорту. Тот поправил цилиндр и ответил:

– Во время расследования одного дела мои люди случайно нашли свидетельства о нахождении артенида. И я вспомнил о поисках Хольма.

– Значит, вы помогаете лорду Хольму по дружбе?

– Можно и так сказать.

– А вы давно знакомы?

– Лет пять, – ответил Давенпорт, и в его голосе прозвучали странные нотки. Похоже, опекун устал отвечать на мои вопросы и разом закрылся. – Пора возвращаться, – сухо добавил он, натягивая привычную личину.

Казалось, он, как моллюск, снова залез в свою раковину, и превратился в того опекуна, которого я привыкла видеть в первые дни общения.

– Может, пройдемся еще немного?

Мне было жаль расставаться с открывшимся новым Давенпортом, и я пыталась хоть ненадолго оттянуть возвращение в особняк.

– Тебе пора в тепло, – непреклонно заявил опекун и, развернув мое кресло, покатил его к машине.

Обратная дорога прошла в тишине. Нет, первые десять минут я еще пыталась задавать вопросы, но Давенпорт отвечал так односложно, что постепенно мой энтузиазм угас, и я замолчала, уставившись в окно.

Снег продолжал кружить за стеклом белыми мухами, машина тихо рычала на поворотах, а опекун неподвижно застыл на переднем сиденье, и напоминал бездушный манекен. Видимо, на сегодня он полностью исчерпал лимит общения.

Я понаблюдала за неподвижным опекуном, а потом мысли вернулись к Лукасу и его поискам. Интересно, куда делся артефакт? Кто мог взять его из мастерской Бернстофа? И зачем Хольму этот самый артенид?

– Лорд Давенпорт, а кто еще был в доме, когда умер мой дед?

Опекун неохотно повернулся.

– Твой отец и пара старых слуг.

– Может, кто-то из них и забрал артефакт?

– Белла, не забивай себе голову старой историей, – в голосе Давенпорта слышалось недовольство. – Лучше подумай о том, где хочешь провести лето. Если решишь поехать в Баркли, я распоряжусь снять дом.

– А где это?

– На побережье. Вы с леди Летицией проводили там каждый сезон.

Надо же. А я в последний раз была на море шесть лет назад. Мы со Славиком тогда решили отметить его повышение, и поехали в Крым. На целых две недели. Интересно, а море в этом мире такое же?

– Белла?

Давенпорт повернулся и вопросительно посмотрел в глаза.

– Я подумаю, хорошо?

– Только не затягивай с решением. Нужно успеть внести задаток, пока все подходящие дома не разобрали. Эрни, останови на следующем перекрестке, я выйду, – обратился Давенпорт к шоферу. – А ты отвези леди Бернстоф домой, и возвращайся к департаменту.

– Слушаюсь, милорд, – кивнул невозмутимый шофер, и вскоре уже тормозил у тротуара.

– Белла, я зайду завтра, – прохладно попрощался со мной опекун и вышел из машины, а я посмотрела ему вслед и задумалась.

Рассказанная Давенпортом история не отпускала. Она затронула что-то в душе, словно была частью моего прошлого. Возможно, на меня влияли воспоминания Беллы, или извечное желание докопаться до правды, но мне захотелось выяснить, что же случилось с артенидом, а заодно и с семьей Бернстофов.

– Приехали, миледи.

Я так глубоко задумалась, что не успела заметить, как мы оказались рядом с воротами особняка. Острые пики, венчающие тяжелые кованые створки, смотрелись на фоне серого неба особенно темными и зловещими. Как и сидящая на заборе ворона. Птица повернула голову, посмотрела на меня блестящим черным глазом, а потом взмахнула крыльями и тяжело полетела прочь.

– Вот, пожалуйста, миледи.

Эрнест успел подкатить кресло, помог мне в него перебраться и повез к дому. После тепла машины морозный воздух казался особенно холодным. Он пощипывал щеки, проникал в легкие, влажным паром оседал на губах.

– Эрни, а кем именно работает лорд Давенпорт? – подтянув шарф повыше, спросила шофера.

– Милорд возглавляет один из отделов департамента внутренней безопасности, – ответил Эрни, и в его голосе прозвучала гордость.

Вполне оправданная, между прочим. Еще бы! Не каждому выпадает честь возить крутого босса.

Я собиралась продолжить расспросы, но Эрнест быстренько докатил меня до двери, нажал кнопку звонка, и с радостью передал «эстафету» дворецкому.

– Миледи, – неуверенно проблеял Петерсон, глядя, как я въезжаю в дом.

Дворецкий растерянно потоптался на месте, наблюдая за моими передвижениями, потер лысину и посмотрел по сторонам так, будто не знал, что делать, но потом сорвался с места, и кинулся за мной.

– Тут вас ожидают, миледи, – торопливо доложил дворецкий и пояснил: – В гостиной.

– Кто?

В первую минуту я почему-то подумала о полиции, но Петерсон сумел удивить.

– Ваш родственник, миледи.

Родственник? Час от часу не легче.

– Что за родственник?

– Он не представился, сказал только, что у него к вам важный разговор.

– Давно пришел?

– Да уже с полчасика.

– И что ему нужно?

– Не могу знать, миледи.

Петерсон близоруко прищурился и нервно потер руки, а я снова подумала о том, что с прислугой нужно что-то делать. Если они так и будут бояться всего на свете, долго я не выдержу.

– Хорошо, я переоденусь и поговорю с ним, – как можно мягче сказала дворецкому, и отправилась наверх.

Меня подгоняла мысль, что визит неизвестного родственника вряд ли принесет что-то хорошее. Скорее, наоборот. Не знаю, откуда взялось подобное предчувствие, но в последнее время мне совсем не везло на приятные сюрпризы.

Когда я привела себя в порядок и спустилась в гостиную, мне навстречу поднялся невысокий щуплый парень в невзрачном коричневом костюме, и с потертой шляпой в руках. Судя по крою одежды, родственник Беллы не отличался большим достатком.

Благодаря недавней прогулке, я уже сумела понять, что богатые и знатные дарты не любят идти в ногу со временем, и выбирают одежду если не старинную, то довольно старомодную. А вот среди простых людей популярны вещи, напоминающие те, что носили у нас в начале двадцатого века. Обычные костюмы-тройки, длинные пальто, котелки или шляпы у мужчин, платья и юбки длиной до середины икры, и маленькие шляпки у женщин, а еще меховые накидки и объемные пальто, невысокие сапожки на каблук-рюмочка и ридикюли на защелке.

– Леди Бернстоф, – быстро поклонился парень и поднял на меня грязновато-рыжие глаза.

Я не знала, как по-другому назвать их цвет. Может, ржавый?

– Мне сказали, мы родственники?

Я вопросительно посмотрела на гостя.

– Дальние, миледи, – немного застенчиво ответил гость и очень мило покраснел. – Моя матушка приходилась двоюродной племянницей леди Летиции. Ох, простите, забыл представиться. Эммануил Тернгоф, уроженец Карста, картограф.

Он снова поклонился, а я разглядывала узкое худое лицо, большой подвижный рот, русые, небрежно стянутые в хвост волосы, и думала о том, какая нелегкая принесла этого родственника, и что ему нужно. Правда, долго мучиться не стала, и задала вопрос вслух. Разумеется, смягчив его до нейтрально-вежливого.

– Понимаете, не так давно я получил вот это письмо, – Эммануил, которого я про себя окрестила Моне́й, достал из-за пазухи свернутую пополам бумагу и протянул ее мне. Длинные музыкальные пальцы гостя чуть дрогнули от волнения.

Я вгляделась в ровные строки с характерным наклоном влево.

– Его написала леди Бернстоф. Леди Летиция Бернстоф, – зачем-то уточнил Эммануил, покраснел еще сильнее и торопливо добавил: – Вот, извольте видеть, тут насчет флигеля, который завещала мне ваша тетушка. А это само завещание. Его я получил из конторы тера Барнау.

Мне в руки ткнулась очередная бумага.

Да, так и есть. Заверенная подпись, печати и имена свидетелей. На первый взгляд, не подделка. И что тут? «Моей племяннице, леди Изабелле Марии Аделаиде Бернстоф, завещаю особняк по улице Венге-роуд и пятьдесят редов земли, окружающих дом. Означенная леди Изабелла Мария Аделаида Бернстоф не должна менять правила, заведенные в доме и описанные ниже, и совершать какие-либо действия, могущие расцениваться как неуважение моей воли». А дальше шел список того, что запрещено. Согласно воле тетушки выходило, что половину комнат вообще нельзя открывать, а в остальных нужно оставить все, как есть, и не менять в течение трех лет со дня смерти леди Летиции. Очень странное правило. Так, что тут еще? Вклады в банке, ценные бумаги, доходные дома в Бреголе и Эрголе. Ага, опекун. До совершеннолетия Беллы он несет за нее полную ответственность, и любое ее решение принимается только с его одобрения.

В общем, золотая клетка. Дом есть – а менять ничего нельзя. Деньги имеются – а без опекуна мне их не получить. Еще и Моня этот... Надо бы у Давенпорта узнать, что он за птица такая.

Я снова просмотрела завещание. Да, вот тут все, черным по белому – «Флигель и прилегающая к нему территория в пять редов передаются в пожизненное владение моему родственнику Эммануилу Тернгофу. После его смерти дом возвращается во владение леди Изабеллы Марии Аделаиды Бернстоф или, в случае смерти моей племянницы, ее наследникам». Получается, Моня не может ни продать, ни как-то иначе распорядиться наследством?

– Петерсон!

Я повернулась к двери, за которой мялся дворецкий. Старик сделал крошечный шаг и замер на пороге.

– У нас есть флигель?

– Да, миледи.

– И где он?

– В конце сада, миледи.

Петерсон с непонятной опаской посмотрел на меня, перевел взгляд на Моню и суетливым движением одернул сюртук.

– И что, он пригоден для жилья?

– Туда давно никто не заходил, миледи, но хозяйка знала, что делала, коли отписала дом молодому господину.

Ишь ты, уже господином признал! На меня, так косится, а к этому... ржавому сразу любовью вспылал.

– Леди Бернстоф, вы не подумайте, я ни на что не претендую, – вмешался в разговор Моня. – Если бы не этот перевод... Понимаете, я картограф. Ах да, я уже говорил. И тут предложение – в самую императорскую академию! Разве я мог отказаться?

Моня сыпал словами, торопился, проглатывая их окончания, а я смотрела на него и пыталась сообразить, о чем он говорит.

– Сами понимаете, такой шанс! – тараторил Тернгоф, нервно жестикулируя тонкими руками. – Сразу на штатную должность. С окладом и ежегодными премиями. Редкая удача!

– Подождите, вы хотите сказать, что вам предложили работу в академии Бреголя, поэтому вы решили воспользоваться подвернувшимся наследством, и собираетесь поселиться во флигеле?

– Именно так, – воодушевленно закивал Моня, глядя на меня с неподдельным энтузиазмом.

Да уж, отличная перспектива. Интересно, какие еще сюрпризы приготовила тетюшка Беллы, Летиция Бернстоф? И для чего она завещала флигель вот этому самому Эммануилу? Господи, ну и имечко.

– Что ж, пойдёмте, посмотрим на вашу собственность, – со вздохом предложила гостю. Хотя, какой уж он теперь гость? Можно сказать, полноправный жилец.

– Мне так неловко вас затруднять, – смущенно покраснел Моня.

Он пытался отвести взгляд от коляски, но, чем больше старался, тем сильнее пялился на мои неподвижные ноги.

– Что вы, никаких затруднений, – заверила я Тернгофа и поехала к двери.

Флигель стоял в самом конце сада. Полуторазэтажный дом с открытой верандой, идущей вдоль фронтона, выглядел довольно запущенным, но удивительно гармоничным. Снег укрывал резные деревянные столбики ограждения и пару плетеных кресел, стоящих у стены. Узкая расчищенная дорожка вела к самому крыльцу, а сразу за домом начинался забор с небольшой кованой калиткой.

– Вот, миледи, стало быть, это он, – остановившись перед ступенями, сказал дворецкий и зачем-то пояснил: – Флигель.

– У вас есть ключи?

Я посмотрела на Тернгофа.

– Да, сейчас, – засуетился тот и принялся шарить по карманам. – Где-то они у меня были. Ах, да вот же! – Моня достал небольшую связку и победно улыбнулся. – Нотариус вместе с бумагами передал.

– Что ж, открывайте.

Я чуть отъехала в сторону, пропуская новосела к его наследству, и Моня бодро рванул вперед, но тут же поскользнулся на обледеневших ступенях, смешно взмахнул руками, и рухнул вниз.

– Ох, да что же это! – испуганно выдохнул Петерсон и кинулся к барахтающемуся в снегу Эммануилу. – Позвольте, помогу, тер Тернгоф, – бормотал дворецкий, но не столько помогал, сколько мешал Моне подняться. – Вы не ушиблись?

Петерсон суетился, топтался на месте, взмахивал руками, а в его глазах мелькало странное выражение. Казалось, дворецкий чего-то боится и, одновременно, предвкушает именно то, чего так боится.

– Осторожнее, – причитал он, пока Моня поднимался и отряхивался от снега. – Ох, как завалило все, почитай, два дня сыплет и сыплет, и конца не видать, – не умолкал дворецкий, а жадное нетерпение в его глазах разгоралось все сильнее.

Мне стало не по себе. И захотелось вернуться в особняк, но я переборола дурное предчувствие и вслед за Моней поднялась в дом. А уже в следующую минуту замерла в дверях, уставившись на прозрачную женскую фигуру, парящую в глубине холла.

– Кто это? – машинально прошептала вслух, разглядывая бескровное лицо с правильными чертами, длинные светлые волосы, темное платье и большие печальные глаза, глядящие прямо на меня.

Страх не было. То ли за время, проведенное в новом мире, я понемногу привыкла к странностям, то ли дело в самом призраке, который не казался опасным, но я не чувствовала ни закономерного ужаса, ни желания сбежать.

– Вы о чем, миледи? – рассеянно спросил Тернгоф, рассматривая запущенное помещение. – Похоже, тут нужен ремонт. Вон, полы прогнили, – он притопнул ногой, подняв тучу пыли. – И стены отсырели. Боюсь даже представить, сколько понадобится средств, чтобы привести дом в надлежащий вид.

Моня продолжал что-то говорить, но я его не слушала. Женщина, выразительно посмотрев на меня, бесшумно двинулась к распахнутой двери, и я, словно замороженная, поехала за ней.

– Миледи, куда же вы? – спохватился Моня. – Осторожнее, тут небезопасно, как бы полы не проломились!

Он поспешил за мной, рассуждая на ходу, что нужно сделать в доме, а я ехала все быстрее, пытаюсь догнать ускользающий призрак.

«Подожди! – мысленно крикнула женщине. – Кто ты, и чего хочешь? Почему я тебя вижу?»

Незнакомка обернулась, указала рукой на меня, потом коснулась лба, словно пытается что-то объяснить, но тут же отвернулась и медленно растаяла в воздухе.

– Миледи, вам нехорошо? – раздалось у меня над ухом, и я вздрогнула.

Петерсон смотрел на меня с жадным предвкушением, глаза его горели, рот приоткрылся, пальцы суетливо теребили полы сюртука.

– Может, позвать доктора, или мага? – не отставал дворецкий.

– Не нужно.

Я покачала головой, раздумывая над увиденным. Кто была эта женщина? И что она хотела мне сказать? И почему Петерсон так странно себя ведет?

– Леди Бернстоф, я могу воспользоваться вашей добротой, и остановиться в особняке? – вырвал меня из раздумий голос Мони.

– Что?

– Хотя бы на первое время, пока флигель не приведут в порядок, – извиняющимся тоном пояснил Тернгоф. – Поверьте, я вас совсем не стесню. Вы даже не заметите моего присутствия.

Да неужели? Я посмотрела на родственника Беллы, и с трудом сдержала усмешку. Трудно не заметить такую колоритную личность. Вот только стоит ли пускать в дом неизвестного человека, особенно учитывая недавние происшествия? Что бы там ни говорил Давенпорт, в сумасшествии Беллы я не верила, а значит, покушения могут продолжиться. И пока я не буду точно знать, что Моня не опасен, лучше не подпускать его слишком близко.

– Тер Тернгоф, простите, я сама не вправе решить этот вопрос.

Я посмотрела на Моню печальным взглядом и вздохнула.

– Мне нужно поговорить с моим опекуном, лордом Давенпортом.

– Разумеется, леди Бернстоф, – пошел на попятный Тернгоф. – Простите, я не подумал, что вы... Что я...

Моня запутался, покраснел и беспомощно развел руками.

– Я сниму номер в гостинице, – торопливо добавил он и посмотрел на Петерсона. – Любезный, вы не могли бы принести мой чемодан?

– Сию минуту, тер Тернгоф.

Дворецкий поклонился и направился к выходу, а я подъехала к старому шкафу, возле которого исчез призрак, и, словно невзначай, открыла дверцу и заглянула внутрь. На полках пылились какие-то бумаги.

Как бы узнать, что в них? Интересно, в доме есть запасные ключи от флигеля?

– Чувствую, придется потрудиться, чтобы навести тут порядок, – вздохнул Моня, и я вздрогнула, сообразив, что он стоит прямо у меня за спиной. – Столько ветхого хлама, – протянул Тернгоф. – Наверное, во флигель снесли все ненужное из большого дома?

– Скорее всего, так и было.

Мне не хотелось откровенничать с незванным гостем. Кто знает, что у него на уме? И почему он появился именно сейчас? Может, я слишком недоверчива, но жизнь с тетей Фимой научила меня настороженно относиться к появляющимся в доме незнакомцам.

– Ваш саквояж, тер, – заявил возникший в дверях Петерсон.

Дворецкий протянул Моне потертый чемодан, чуть наклонился вперед, и его лысина блеснула в падающем из окна тусклом свете.

– Ага, саквояж, – пробормотал Тернгоф, забирая вещи и оглядываясь по сторонам с таким видом, будто искал повод остаться. – Что ж, мне пора, – с заметным сожалением произнес кузен Беллы, и посмотрел на меня с ясно читаемым намеком.

Вот только я не собиралась понимать этот намек. Если интуиция меня не подводит, этот родственник точно из разряда «дайте попить, а то так есть хочется, что переночевать негде». И не успею я оглянуться, как он устроится в большом доме со всеми удобствами, и во флигель его потом дрыном не выгонишь.

– В какой гостинице вы собираетесь остановиться?

Я посмотрела на Моню, пытаюсь понять, почему меня так насторожило его появление. Может, у меня паранойя, и я вижу опасность там, где ее нет?

– Думаю, в «Бринстоне». Это в двух кварталах отсюда.

Тернгоф, видимо, понял, что на обед его не пригласят, и со вздохом надел шляпу.

– Что ж, я поговорю с опекуном, и пришлю к вам человека с ответом.

– Благодарю, леди Бернстоф, – поклонился Моня и пошел к выходу, но на полдороге остановился и обернулся ко мне. – Позвольте, я помогу вам доехать до дома, милая кузина.

Ух ты! А Тернгоф не промах, уже в кузины меня записал. Собирается играть на родственных чувствах? Со мной этот номер не прокатит, хотя, если бы на моем месте оказалась настоящая Белла, уверена, этот «кузен» мигом сел бы ей на шею.

– Что вы, я справлюсь сама, – мило улыбнулась Моне.

Я нажала рычажок и покатила к двери, раздумывая, как бы получить возможность спокойно обыскать флигель. Может, предложить Тернгофу помощь?

– Кстати, если хотите, слуги могут навести здесь порядок, – протянула таким тоном, словно делала великое одолжение.

– Правда? – просиял Моня. – Если это никого не затруднит, я был бы счастлив! – восторженно залопотал он. – Действительно, ремонт тут не так уж необходим, можно просто немного прибраться. И мне не придется платить за гостиницу... Надо сказать, я немного поиздержался в дороге, а в Бреголе все недешево, и номер обходится в целых два рона, настоящий грабеж. Да, я буду очень признателен за вашу доброту, милая кузина.

Моня расцвел счастливой улыбкой и распахнул дверь.

– Воздух какой, чувствуете? – остановившись в проеме, спросил он. – Весной пахнет! Представляю, как красив этот сад в буйном разноцветье красок.

Я с сомнением покосилась на снежные сугробы, укрывающие кусты и деревья, и еле слышно хмыкнула. Похоже, картограф Моня в душе поэт.

– Так я тогда завтра вернусь? – перешел к прозе жизни Тернгоф. – Слуги успеют привести дом в порядок?

Слуги-то, может, и успеют, вот только вряд ли я сумею за один день разобраться с тайной флигеля и живущим в нем призраком.

– Думаю, им понадобится немного больше времени. Я извещу вас, когда все будет готово. Я мило улыбнулась Тернгофу, и он тут же расцвел ответной улыбкой.

– Что ж, благодарю, кузина, вы очень добры.

Моня неловко поклонился и добавил:

– Так я пойду?

На узкой физиономии родственника застыла немая просьба. Дескать, не могли бы вы передумать и оставить меня в особняке?

– Всего доброго, тер Тернгоф, я пошлю к вам человека. Петерсон, проводи тера.

Дворецкий дернулся, Моня, прощаясь, неловко поклонился и направился по заснеженной тропинке к воротам, а я наблюдала за тем, как мелькает среди деревьев его шляпа и блестящая лысина Петерсона, и думала о том, что принесет появление кузена. Понять бы еще, почему леди Летиция завещала ему флигель? И жил ли тут кто-то раньше? Может, печальная дама, которую я видела, прежняя хозяйка домика?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.